

Алексей Мефодиев

Девушка и писатель

Москва
2005

ББК: 84(2Рос=Рус)6

М41

Мефодиев А.

М41 Девушка и писатель. — М.: Летний сад,
2005. — 192 с.

ISBN 5-94381-143-5

© А. Мефодиев, 2005

© «Летний сад», оригинал-
макет, оформление, 2005

Корректор Харитоновна О. В.

Редактор Куллэ В. А.

Компьютерная верстка Балабанов Ю. В.

Художник Ефремов П. П.

Литературно-художественное издание

Подписано в печать 10.08.2005. Печ. л. 6.

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура Petersburg. формат 60x90/32.

Тираж 500 экз. Заказ №

ЗАО ИТД Летний сад, Москва,

121069, ул. Б. Никитская, 46.

Издание отпечатано в ООО ПФ «Полиграфист»,

160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Прогулка Иван Ивановича

*Бывало, идет человек, увидит
на земле лежащий кувшин, да
и пройдет себе мимо, а дру-
гой его и пнет вдобавок*

**Фрагмент ассоциативной
загадки**

Как-то раз в начале июня в субботу Иван Иванович шел берегом реки. Было это утром. Хотя утро уже не было ранним, все же это было еще утро, и потому все вокруг продолжало говорить о том, что день только лишь начинается.

Солнце, еще не достигшее своего зенита, как будто сообщало:

— Видите, я еще только начинаю свой путь по небосводу. И вам внизу еще много и многое отпущено.

Тут следует сразу же отметить, что Иван Иванович никак не ощущал себя

находящимся внизу. Более того, душа его скорее парила на уровне как минимум того самого солнца.

Оставив ненадолго хоть и парящую, но все же брентную душу Иван Иваныча, вернемся к причинам, ввергшим ее в столь легкий полет. Так как утро не было ранним, Иван Иваныч имел возможность хорошенько выспаться. Стоит ли говорить, что не имевший обыкновения утруждать себя субботне-воскресным трудом, Иван Иваныч с доблестью реализовал возможность полноценного сна. Сколь многим известна важность полноценного сна в жизни человека обычного! Да и, пожалуй, не совсем обычного, а чем-то даже выдающегося человека, к коим, по детской наивности, столь свойственной многим вполне серьезным и взрослым людям, тайно относил себя Иван Иваныч.

— Почему тайно? — спросит кто-либо. — В смысле, почему не открыто признавал он себя кем-то исключительным, а тайно. Видимо, это происходило оттого, что не мог Иван Иванович дать сам себе прямой и ясный ответ, в чем же заключается его непохожесть на других. Все это приводило к некоторой раздвоенности между рациональным рассудком Иван Ивановича и его же неясными душевными порывами. Бывало, в разговоре скажет Иван Иванович что-то вроде:

— Я, обычный человек... — а душа его с тихим стоном тут же шепчет: «Ну что ты, Ванюша, какой же ты обычный, зачем же так о себе?»

Однако в то прекрасное утро Иван Иванович шел один и вовсе не думал о вопросах собственной, или чьей бы то ни было исключительности. Ясному взору его открывались бескрайние

поля среднерусской полосы. Звонкий треск кузнечиков и пение полевых птиц звучали рефреном Оды радости в ушах Иван Ивановича. Голубое небо, не обеспокоенное ни единым облаком, отражалось своей голубизной и бескрайностью в реке и в безмятежном сознании Иван Ивановича. Собственно говоря, сознание Иван Ивановича и представляло в это время некую реку, мысли его неспешно текли отражением прозрачной синевы неба, сочной зелени травы и, конечно же, по-детски радостно улыбавшегося солнца, все еще не достигшего своего зенита.

Как уже было замечено, мысли Иван Ивановича в упомянутое время не поддаются точному описанию. Одно лишь можно было с уверенностью сказать: были они сочно-зеленого и нежно-голубого цвета.

Некоторое время назад Иван Иванович дважды пересек быстрым кролем упомянутую реку. Ведь Иван Иванович считал себя решительным человеком, а лучшим стилем плавания, отражающим решительность натуры, являлся, по его разумению, кроль. Никак не желавшие полностью испариться капельки воды на теле его являли собой свидетельство недавних водноспортивных достижений. Однако не к ним, земным радостям, тянулась ясная душа, но ввысь и вдаль за поворот дороги, за поворот реки — и так до горизонта.

Тут, однако, произошло нечто совершенно неожиданное. Светлый взгляд Иван Ивановича, доселе неопределенно блуждавший по неясным очертаниям отдаленных полей и лугов, неожиданно столкнулся с вполне ясными и, надо сказать, прекрасными очертаниями молодой женщины, которая неспешно шла

ему навстречу. Неторопливая походка, истомленный взгляд, загорелое лицо, обрамленное прекрасными золотистыми волосами, небрежно обхватывающая ее стройные бедра повязка — все в ней говорило о безмерной страсти. Взгляд Иван Иваныча, однажды упав на незнакомку, более уж с ней не расставался до самого момента, как они поравнялись. В тот самый миг точно теплой волной обдало его. Он явственно услышал томный шепот. Распутная, согласно пониманию Иван Ивановича, незнакомка прошла тем временем мимо, не взглянув на него. Но что она прошептала? «...Меня, ...возьми меня», — или: «...бери меня, меня возьми»? Хоровод простых слов, составленных в разной последовательности, дико кружил в бедной голове Иван Иваныча, враз потерявшего всякий покой. Разные мысли на одну и ту же тему одолевали его, наезжая друг

на друга и не желая знать никакой очередности. Он думал приблизительно так: «...Послышалось мне или нет? Ведь явно — нет. Но с какой стати? Как с какой? Ты сам-то разве не знаешь. Обернуться? Нет. Вернуться? Да. Зачем? Нет. Чего зачем? Да-а. Исключительна. Наверное, не одна. Откуда она такая изможденная? Мне что за дело? Пойти за ней? И что? Как что. Наверное, не одна...»

Тут, ища ее спутника, взгляд Иван Иваныча скользнул по кустам, обрамлявшим реку. Нет, никого.

Нет, Иван Иваныч так и не обернулся и не пошел за ней в тот раз. Увлекаемый инерцией своего изначального маршрута, он двигался по заданной траектории, как уже не раз бывало в его жизни, не обращая внимания на внешние перемены. Лишь по прошествии времени склонный к аналитическому

мышлению Иван Иванович по-новому истолковывал знаковые события своей жизни — в момент же их наступления они не представлялись ему таковыми. Напротив, они казались ему чем-то отвлекающим, а порой и вредным.

Полуденное солнце беспощадно жгло непокрытую голову Иван Ивановича. Его затуманенный взгляд скользил по окрестным лугам и полям, не особенно их различая, ибо мысли Иван Ивановича, вопреки его воле, двигались в противоположном направлении.

Май 2004

Удача

Однажды, где-то в конце бурных восьмидесятых прошлого столетия, когда громадная и некогда могущественная империя Советский Союз, подобно смертельно раненому, но все еще свирепому зверю, в предсмертной агонии доживала свои последние дни, два молодых человека обедали в «Савойе», одном из лучших московских ресторанов того времени.

В ресторане царило внушавшее уверенность спокойствие. Посетителей было немного. Официанты были вежливы и даже, в своем роде, предупредительны, насколько эта характеристика применима к славным работникам об-

щепита советского образца. По периметру трех небольших ресторанных залов стояли кадки с экзотическими цветами. Полы были устланы дорогими коврами, а на стенах висели гобелены искусной работы. Седой пианист негромко перебирал клавиши черного концертного рояля, и популярные мотивы легкой музыки плавно заполняли залы, не мешая при этом разговору.

Это уже годы спустя, когда жизнь во вновь созданном государстве как-то упорядочилась, деловые обеды, или «ланчи», как их называли в определенных кругах на английский манер, перестали быть чрезмерными. В ту же пору, невзирая на мольбы органов пищеварения о пощаде, было принято обедать «как следует». Да и могли ли люди великой страны, точнее сказать их незначительная часть, совершив прорыв из области хронического дефицита, до-

вольствоваться малым? Нет, нет и нет! Хотелось всего и сейчас. И гастрономические экскурсии не являлись здесь исключением.

В этой связи обеденный стол двух друзей просто ломился от бесконечной череды изысканных, по меркам основной части населения, блюд. Последовательность напитков, конечно же, определялась каждым блюдом в отдельности.

В перерыве между супом и основным блюдом один из друзей выглянул из окна. А там бушевала «перестройка», усугубленная естественными суровыми климатическими условиями начала декабря. Тут было все: измученные рутинной мрачные лица пешеходов, слякоть, старуха-нищенка, вывеска «Книги», какие-то лотки, откуда велась бойкая торговля какой-то дрянью гротескно розовощекиными и, несмотря ни на что, не унывающими приезжими торговцами.

Сумерки еще не наступили, но стальное декабрьское небо, казалось, навсегда уже заполнило улицы серым цветом.

«Бррр», — то ли подумал, то ли действительно фыркнул тот друг, что ранее выглядывал из окна. Увиденное наполняло его ощущением превосходства над своими согражданами, которые, очевидно, не могли вот так со вкусом проводить обеденное время в «Савойе». По-видимому, думал он, многие из них даже не знали вовсе, какие бывают блюда и с какими напитками их требуется употреблять. То ли дело он, Васин — такова была фамилия молодого человека, смотревшего из окна «Савойя». С другой стороны, все это неприятным образом диссонировало с внутренним убранством ресторации, привнося в душу смутное беспокойство. Скажем, увиденное снаружи мешало празднику жизни двух друзей. А праздновать им было что.

Несколько часов назад они закрыли уже третью сделку по продаже небольшой партии компьютеров и заработали изрядные, по меркам своей среды, деньги. Все нервные переживания, риски, постоянная спешка, связанные с этим, остались на какое-то время позади. В конце концов, они заставили обстоятельства подчиниться своей воле. И теперь им хотелось немного передохнуть.

Нет, друзья не были бесцельными прожигателями жизни. Они были полны новых, еще более интересных и дерзких идей в области увеличения их пока еще небольшого капитала. Еще год назад они были искренне рады покупке двух новеньких малолитражек отечественного образца, тогда как сегодня ожидающий у подъезда «Форд» более не казался им чем-то особенным. Помыслы их были устремлены далеко вперед. Они уже обсуждали смену «Форда» на «Воль-

во» или даже на «Мерседес». Пожалуй, теперь они могли позволить себе водителя. Как много бессмысленных забот, связанных с заправкой, помывкой, парковкой авто уйдет в прошлое, освобождая место новому и прекрасному. В настоящий же момент друзья были увлечены обсуждением заслуженного отдыха на Канарских островах. Тут следует отметить, что для обычного советского человека конца «перестройки» и «Форд», и «Мерседес», и Канарские острова, равно как и сам ресторан «Савой», являлись довольно абстрактными категориями ввиду своей недоступности. Более того, жизнь большинства соотечественников как раз таки и была вся соткана из занятий, сродни рутинным заботам по помывке и починке стареньких машин. Осознание этого незатейливого факта внушало чувство собственной исключительности. Ведь

жизнь двух молодых людей была ключом бесконечной смены событий и постоянной новизны ощущений. А что может быть прекрасней ощущения новизны!

Друзья не только поймали свою удачу, они ежедневно жили насыщенной жизнью, и чувства, переполнявшие их, рвались наружу. Надо было кому-то рассказать о том, как это здорово жить вот так, как они, иметь много денег и возможностей. Кроме того, обед уже подошел к концу.

— А не заглянуть ли нам к Витьке? — спросил Петров и волевым взглядом посмотрел в глаза Васину.

— Ну да, идея что надо! Ведь он прямо здесь за углом, на Версановьевском. Сколько ж мы не виделись? Года четыре — с окончания института? Чем-то он сейчас занят?

— Вот и увидим.

Расплатившись по счету, они вышли из ресторана. Негромко поскрипывая натертыми до блеска ботинками из черной кожи наилучшего образца, в черных двубортных костюмах и хорошо подогнанных пальто фирмы «Босс», друзья являли собой воплощение самой воли и целеустремленности.

Уже через пять минут они взбирались на пятый этаж некогда прекрасного, а ныне находящегося в полном запустении дома в стиле «модерн» начала того же века. Модерн, как известно, не терпит нищеты. Она печальным образом скрадывает этот изящный стиль.

Но в сердцах двух друзей не было и тени печали. Они вихрем внеслись в хорошо знакомую им комнату в коммунальной квартире, которую продолжал занимать Витька.

Здесь все было по-прежнему. Время, как в сказочном монастыре Шангри-

Ла, текло замедленно по отношению к внешнему миру. Как и годы назад, углы просторной комнаты с ободранными обоями были уставлены пустыми бутылками. На незатейливых полках стояла масса разнообразных книг. Пыль на них никогда не вытиралась, ибо никто из многочисленных дам не задерживался в Витькиной квартире более одной ночи. Сам же Витька, живший в наполовину вымышленном книжном мире, субстанций от мира сего, таких как пыль, вовсе не различал. Единственная новизна была представлена мандалой синтоистского образца, каким-то образом приклеенной под самым потолком.

Витька сидел на драной циновке, многие годы назад брошенной кем-то на пол. Возможно, ее принесла одна из девушек, пожелавшая таким образом оставить свой след в его жизни. Надо отметить, Витька всегда нравился женщи-

нам. Отчего это происходило — сказать было трудно. Возможно, оттого, что в отношениях с ними, как и со всем миром, он придерживался заповеди Лао Цзы: «Хочешь привязать — забудь о веревке». Хотя, скорее всего, женщины просто знали, что с ним им будет хорошо. Но ни им, ни чему-либо другому Витька не придавал особого значения. Он не делил вещи на важные и неважные. По всей видимости, он не особо различал для себя плохое и хорошее. Самые разные люди приходили к нему. Иногда это были друзья, иногда друзья друзей, а иногда совершенно посторонние люди. Взять кроме книг да старой гитары у него все равно было нечего. Вещи случались с ним естественным образом, и Витька этому не противился. А посему он никогда никуда не торопился.

Кроме Витьки на циновке сидел какой-то бородатый парень в джинсах. В

руках у них были гитары. Они играли и пели. Две симпатичные девушки сидели на старой единственной тахте и, слушая песнопение сидящих на циновке, неторопливо раскачивались в такт песни.

*«...Жемчужная коза,
тростник и лоза,
мы не помним пределов,
мы вышли за...»*

От табачного дыма в комнате можно было вешать топор. Тут же стояла непрменная банка соленых огурцов, как будто ее просто забыли убрать, и она простояла здесь все четыре года.

Витька посмотрел на вновь вошедших просветленным взглядом, отражавшим вселенскую любовь, и дружелюбно, как будто они не виделись со вчерашнего дня, спросил:

— Портвейн принесли?

Май 2004

Петя и Гномы

Сегодня был чертовски тяжелый день, дорогая, — проговорил Павел Павлович Вяземский, выпустил два кольца сигарного дыма и умиротворенно окинул взглядом ровно подстриженный зеленый газон, на котором был поставлен накрытый для легкого ужина стол. Вечерняя прохлада была приятной наградой после напряженного июньского дня, в течение которого Павел Павлович, по его словам, задал кому-то хорошую трепку. Павел Павлович был судьей, и частенько в суде вершил человеческие судьбы. Павел Павлович был атлетически сложен и

всячески поддерживал себя в хорошей спортивной форме, уделяя этому вопросу немало времени.

— А ведь в городе все еще жарко, тогда как здесь, в загородном доме у самой реки, просто прелестно, — рассуждал Павел Павлович, удобно развалившись в массивном кресле. — Как правильно мы поступили, купив этот дом. — И при этом, потягиваясь, подумал: «Хорошо, когда сам себе господин, сказано — сделано, решил купить себе дом — и купил, да и на работе почти также, разве что не столь очевидно».

Жена его, Наталия Ильинична, дама средних лет и приятной наружности, была врачом. Несмотря на многие годы, прожитые совместно, они продолжали испытывать друг к другу самые теплые чувства. И посему Наталия Ильинична с большим вниманием слушала слова мужа, а он — ее. Их недолгая рассла-

бляющая беседа была, впрочем, вскоре прервана.

— Мама, мама! — их пятилетняя дочь плача бежала по гравиевой дорожке. — Петька опять мучает ночного мотылька!

— Петя! Сынок, пойдй сюда. Как тебе не стыдно! Ты укорачиваешь и без того короткую жизнь этих несчастных созданий, — промолвила Наталия Ильинична. — И откуда в тебе эта жестокость?

— С возрастом это пройдет, — спокойным тоном заметил Павел Павлович.

Их сын Петя, розовощекий мальчуган восьми лет, стоял, понунив голову. Он знал, что мучить кого бы то ни было, пусть это даже маленький белый мотылек, который живет всего лишь один день, нехорошо. Хотя в глубине души он и не совсем понимал, зачем вообще нужна такая короткая жизнь, сейчас не этот риторический вопрос мучил его.

Ему было стыдно. Стыдно было еще и оттого, что не далее как час назад он, играя, передал десятка два муравьев.

«Слава богу, — думал Петя, — противной Насти не было поблизости, и теперь об этом никто не узнает». Но само Петя знал, что он это сделал. Знал, что это нехорошо. И от этого он стоял и краснел еще больше.

Справедливости ради следует заметить, что Петя давил муравьев не оттого, что был жестоким мальчиком. Он просто не отождествлял их с по-настоящему живыми существами. Да и как их можно было отождествлять с оными? Петя много раз задумывался над этим. Спроси его, над чем, и он по малости лет не смог бы объяснить, что именно его интересовало. А интересовало его муравьиное восприятие жизни. В начале своих так называемых экспериментов Петя просто наблюдал за

муравьиной жизнью. У них была интересная, хорошо организованная жизнь. Пете казалось, что действия муравьев были должным образом осмысленны. Они были заняты своим делом. Они ходили на работу. Каждый — на свою. Кто-то строил жилище-муравейник, кто-то доставал пропитание. Они заводили потомство и заботились о нем. Временами они участвовали в войнах с другими насекомыми.

«До некоторой степени, — думал Петя, используя папину лексику, — они похожи на людей, только очень маленьких. Если бы вот только они могли ходить на двух ногах, а не ползать сразу на шести».

Странным было лишь то, что, очевидно, муравьи не воспринимали Петю вовсе. Он для них как бы не существовал, хотя и был рядом, наблюдал за ними.

«Сказать по правде, — думал Петя, — они находятся полностью в моей власти, но я для них не существую». Этот вывод Пете не понравился, и он, вознамерившись призвать муравьев к пониманию того, «кто в доме хозяин», начал проводить свои, довольно жестокие, эксперименты. Он ставил палец на пути у ползущего муравья. Нет! Муравей не поднимал головы, чтобы посмотреть, откуда взялся этот огромный мешок. Он просто продолжал ползти своим муравьиным путем.

«Отчего это происходит?» — задавался вопросом Петя, будучи любознательным мальчиком. Он поделился своими наблюдениями с отцом.

Отец задумался и, с интересом посмотрев на сына, ответил:

— Я полагаю, что муравью, в силу различных причин, как то: неразвитость интеллекта или его полное отсутствие,

неразвитость органов восприятия и так далее, не дано воспринять твое или мое присутствие. И он, таким образом, живет в полном неведении относительно нашего существования, хотя полностью воспринимает предметы и насекомых, находящиеся с ним на одной плоскости. Он реагирует лишь на то, что ему дано воспринять. И не реагирует на субстанции, находящиеся за пределами его восприятия.

Объяснение отца показалось Пете достаточно запутанным, и он продолжил практические изыскания. Он давил муравьев пальцами, разрушал их жилище. Но если те же смертоносные пальцы сжимали соломинку, вдруг оказавшуюся на пути муравья, бедняга зачастую начинал по ней опрометчиво карабкаться.

В настоящий момент любознательный мальчик, как это порой случается,

был призван к ответу за свои действия и стоял, потупив светлые очи исследователя.

— Я больше так не буду, — кротким голосом промолвил ребенок, чьи перста еще так недавно являли собой разящую десницу судьбы в мире муравьев.

— Ну вот и хорошо, а теперь всем детям пора спать, — сказала Наталия Ильинична и нежно погладила дочь и сына.

Гувернантка Нино взяла детей за руки и повела в их детские спальни.

Из-за пережитого чувства стыда Петя ощущал усталость и сразу же заснул. За мгновение до погружения в сон он услышал встревоженные голоса, которые доносились с лужайки перед домом: «Сердце! Врача!»

Проспал же Петя, как ему показалось, совсем недолго. Его разбудил тоненький голосок:

— Что же ты спишь, соня? Ведь уже рассвело.

Петя открыл глаза и, к своему удивлению, увидел маленькую девочку, сидящую на подоконнике. Девочка была совсем крошечная и почти прозрачная. На голове у нее была корона такая же крошечная, как она сама, а в руке она сжимала стеклянную палочку.

«Это же фея», — подумал Петя.

— Что же ты спишь? — повторила фея.

— Ведь еще очень рано, — подумав, ответил рассудительный Петя.

— Пять часов утра — это рано? — удивилась фея. — Все птицы давно поют. Хочешь пойти со мной послушать их прелестные трели?

— Я думаю, папа и мама будут очень недовольны, если узнают, что я встал так рано. К тому же, я могу слушать пение птиц, не покидая своей комнаты.

— Тогда, может быть, ты хочешь попасть в страну волшебных гномов? — нахмурившись, спросила фея, любившая пение птиц больше всего на свете и оттого не понимавшая, как можно отказываться от такого.

— Это интересно, но что скажут мама и папа? Боюсь, они не отпустят меня, — ответил Петя, не заметив легкого упрека в голосе феи.

— А ты действительно хочешь? — еще мрачнее спросила фея.

— Да. Очень-очень!

— Разве ты не знаешь, — сказала фея, — что если что-то действительно хочешь, спрашивать мнение других совершенно излишне. И даже вредно.

— А как мы туда попадем? — спросил Петя, решительно вставая с постели.

— Наикратчайшим путем, — ответила фея, протягивая руку мальчугану.

— Мне немного страшно, — сказал мальчик.

— Когда ты начинаешь путь, ты должен быть готов пройти его до конца, вопреки всем препятствиям, — ответила легкомысленная фея. — Если бы ты знал, как много прекрасных начинаний было задушено страхом.

Петя взял фею за руку и в страхе закрыл глаза. А когда он их открыл, то обнаружил, что они плавно летят все выше и выше.

Скоро Земля и Солнце превратились в маленькие точки, и они закружили в хороводе мириадов звезд. В какой-то момент над самой Петиной головой оказалась огромная стеклянная сфера, сквозь которую он различил небольших существ, напоминающих гномов. Они отличались от обычных гномов тем, что у них было четыре руки. Присмотревшись, он понял, что находится в центре

их жилища. На него был направлен прибор, напоминающий гигантский микроскоп, нижнюю линзу которого он поначалу принял за сферу. Так как он смотрел в обратном направлении, существа, находящиеся с другой стороны микроскопа представлялись ему маленькими. Один из них стал внимательно разглядывать все, что находилось под микроскопом. Он смотрел очень долго и внимательно, а потом спросил:

— Пап, я хочу запустить комету.

— Только не смертоносную, сынок.

Но было уже поздно. Прежде чем прозвучало предостережение отца, рука сорванца коснулась какого-то рычага на приборной панели, на которую Петя ранее не обращал внимания. Тотчас стального цвета стрела пересекла часть пространства под микроскопом, и последовала яркая вспышка.

— Немедленно отойди от пульта! — прокричал разгневанный отец-гном. — Разрушать проще всего.

— Прости, папа, — испуганно сказал малыш.

— Прости его, — сказала мама-гном. — Ведь ты знаешь, как дети, порой, бывают неоправданно жестоки. Отчего это происходит? — и взгляд мамы-гнома стал задумчив. — Взять и уничтожить целую планету! Может, это оттого, что дети не очень-то знакомы со страданием. В любом случае, чем кричать на ребенка, лучше бы поучил его.

— Он давно уже не ребенок, — ответил папа-гном, который сам уже самозабвенно припал к микроскопу. — Ну, впрочем, ладно. Подойди поближе, сынок. Я покажу тебе саморазвивающуюся систему Гея. Ты мог запросто разрушить и ее своей безответственной выходкой!

— Мы уже опаздываем, ты помнишь, дорогой? — обращаясь к отцу-гному, нежно промолвила мама-гном.

— Как же я забыл, идем! — И гномы-родители молниеносно исчезли.

Вместо них, откуда ни возьмись, появился еще один гном-ребенок. Уже знакомый Пете маленький гном сразу же оживился при виде друга.

— Смотри, отец забыл свернуть систему!

— Здорово, — сказал вновь пришедший. — Полетели?

— А если отец узнает?

— Не узнает, только быстро.

С этими словами два гнома, как показалось Пете, нырнули в верхнюю линзу микроскопа, как будто это было небольшое озеро. В то же мгновение фея слегка подтолкнула Петю в спину, и он, как бы окунувшись в линзу микроскопа, находящуюся с противоположной сто-

роны от гномов, полетел им навстречу. Мгновение, и Петя запутался в волосах у одного из диковинных созданий. В следующее мгновение они уже мчались по межпланетному пространству. Прошло еще мгновение и ...

— Мы на месте, — раздался гномий шепот, и Петя увидел Землю.

— Какие противные эти люди! У них всего две ноги и две руки. Это омерзительно, — говорил один маленький гном другому.

— Противно, конечно, — вторил ему другой. — Но главное, что меня в них раздражает, это их высокое мнение о самих себе.

— Отец говорил мне, что некоторые из них додумались до того, что считают себя чуть ли не вершителями своих судеб!

— Не может быть, — и глаза второго гнома округлились в неподдельном

удивлении. — Научились бы сначала различать, что происходит вокруг!

— А ты видел, какой самосуд они устраивают друг над другом? А вот как раз один из представителей этой славной плеяды. Сидит себе на лужайке, как ни в чем не бывало! Хорошо, мол, что дом купил. А сам смотри, что думает.

— Ну и ну, просто нет слов! Сейчас я ему устрою.

С этими словами гном приземлился прямо на лужайке отеческого дома и коснулся одним из своих пальцев груди Павла Павловича. Тот вскрикнул и, задыхаясь, схватился за сердце. Все вокруг сразу же погрузилось в суету.

— Что с тобой, Паша? — испуганно спросила Наталия Ильинична мужа. Но он, не в силах произнести и слова, закатив глаза и хрипя, сползал со стула прямо на траву. Наталия Ильинична в

бессильной панике подбежала к мужу и произнесла:

— Да что же это такое? Сердце?! Боже мой, он не дышит! Нино!!! Скорее вызывайте скорую!

Из короткого телефонного разговора с врачом выяснилось, что это определенно обширный инфаркт и что скорая будет минут через тридцать.

— Нино, да что же это! Ведь он никогда не жаловался на сердце! Какие тридцать минут, когда он уже не дышит, — только и могла сказать вмиг сделавшаяся несчастной Наталия Ильинична. — Ну, давай же дыши, дыши! Живи! Ну пожалуйста, живи! — в истерике бормотала она, хлопая мужа по щекам.

При этом никто не обращал никакого внимания на двух четырехруких существ, в волосах одного из которых запутался мальчик Петя. Более того,

Нино, посланная за стаканом коньяка, дважды прошла сквозь одного из гномов.

— Ладно, отпусти его. Пусть себе поживет, сказал другой гном своему озорному другу.

— Как знаешь, — ответил его приятель-гном и еще раз прикоснулся к груди Павла Павловича своим шаловливым пальцем.

Павел Павлович не заставил себя долго ждать и тотчас же открыл глаза.

— Пора перемещаться назад. Родители могут вернуться. Отец убьет, если узнает, что мы самовольно вошли в систему, — сказал один из гномов.

Пролетая сквозь великолепный дом Павла Павловича, гномы на мгновение оказались в комнате Пети. В этот миг гном, в волосах которого запутался Петя, тряхнул головой, и мальчик благополучно приземлился прямо к себе

в постель. Он уже почти спал, когда услышал голос своей знакомой феи:

— Может быть, ты хочешь посетить теперь страну великанов?

— Нет, пожалуй, лучше без этого, — ответил усталый ребенок и заснул.

Когда он проснулся, солнце уже давно встало и посылало свои приветливые лучи сквозь зелень молодых лип, растущих около Петиноного окна. Сон, как это часто случается, был очень быстро забыт. Мальчик спустился на террасу, где вся семья уже собралась к завтраку.

Павел Павлович был особенно бледен.

— Как ты себя чувствуешь, дорогой? — нежно спросила его Наталия Ильинична.

— Ничего, мне гораздо лучше, — промолвил отец семейства.

— Врачи сказали, что это все благодаря твоему тренированному организму. Другой бы... — страшно подумать, —

прервала сама себя Наталия Ильинична. — Не зря ты поддерживаешь себя в хорошей спортивной форме.

— Это уж точно, — обретая былую уверенность, произнес Павел Павлович. — Человек — сам себе хозяин.

В стране Востока

Давным-давно в одной прекрасной стране Востока, где свежие лепестки роз всегда издают пьянящий аромат, пробуждающий все живое к жизни; где некогда по-детски игривый горный ручей, превратившийся в несокрушимый водный поток, стремительно несется, сметая на своем пути любые преграды; где горные луга покрыты сочной травой, дающей жизнь могучим оленям, и где воздух пьянит словно вино, жил-был маленький пастух.

Но жизнь его текла совсем непросто. С утра до вечера он должен был пасти отары овец. И даже ночью, когда стаи лютых волков напоминали о своем при-

сутствии леденящим душу воем, он был начеку рядом с доверенными ему овцами. Ни одна овца не должна была пропасть. Ибо жизнь мальчика в глазах хозяина стада представляла меньшую ценность, чем жизнь овцы. Хозяин стада, наместник великого правителя той страны, сказал однажды отцу пастушонка: «Если я недосчитаюсь хоть одного животного, то сидеть твоему сыну на колу». Отец, бедный батрак, лишь развел руками и пошел себе прочь. Все, что он мог дать мальчику, он уже дал. А было это умение читать и писать, которое отец его приобрел в свои лучшие времена, когда он был визирем шаха небольшого государства. Но жизнь, как известно, переменчива. Пришло чужое войско, и всех, кто не был убит, угнали в рабство.

Мальчик, звали его Алладин, был не только сообразительным, но и бесстрашным. В груди его билось сердце льва.

И не боялся он ни волков, ни злого наместника, владельца стада. Хотя единственным его оружием было деревянное копьё, которым он умел поразить вожака волков с тридцати шагов, в схватке мальчик предпочитал смерть поражению.

Шли годы, и Алладин, подобно горному ручью, разросшемся до могучей реки, превратился в красивого сильного юношу.

Он многого хотел, но мало что мог. Он все еще был пастухом, как и годы назад. Желания и страсти раздирали его юную душу. Он хотел гордо скакать на коне, но должен был ходить пешком. Он хотел охотиться на диких зверей, а должен был пасти овец. Как часто мечталось ему во сне о славных военных походах, которые он возглавляет. Но, проснувшись, он видел лишь привычные овечьи морды. В снах он видел себя в атласных одеждах, управ-

ляющим государством в окружении своей свиты, — а наяву был одет в лохмотья и жил в окружении все тех же овец. Он хотел прекрасного вина, мечтал о роскошных яствах, но пил всего лишь воду из ручья, закусывая козий сыр грубым хлебом. Но те страсти, что кипели внутри его, принося страдания, все же не давали ему унывать. И оттого он был всегда бодр и весел.

Случилось так, что неподалеку от тех сочных лугов, где протекала юность Алладина, проезжала дочь шаха со своей свитой. Обладая природным любопытством, она, несмотря на строжайший запрет, выглянула из-за атласных занавесок, чтобы посмотреть на окружающие ее путь красоты. Но увидела красоту молодого юноши-пастуха, смотревшего прямо на нее.

Принцесса подумала: «Какой славный юноша!»

А пастух покраснел. Он никогда до этого не видел такой красавицы. Ему страстно захотелось скакать с ней рядом на коне, победить всех соперников, положить весь мир к ее ногам и, наконец, оставшись с ней наедине на атласных подушках, любить ее всю ночь.

Вместо этого он еле успел увернуться от хлыста одного из стражей принцессы. Ярость вскипела в горячем сердце и, ловко схватившись за едва не поразившую его плеть, юноша сбросил обидчика с коня. Алладин сам вскочил на коня и почувствовал, что скорее умрет, чем снова пойдет пешком. Долго скакал смелый юноша, пока не оторвался от погони. А когда заметил, что стража отстала от него, то понял, что заблудился в глухом лесу и уже не сможет вернуться назад, так как без его присмотра пара овец наверняка пропала. Петляя бесцельно по лесу, все более осознавал

он трагизм своего положения. В конце концов, в отчаянии разогнал он коня в желании броситься с ним в стремнину уходящего в пропасть водопада. Но на самом краю обрыва, откуда ни возьмись, словно из воздуха возник причудливо одетый старичок. На ногах у него были кожаные сапоги, отделанные алмазами, на голове — фиолетовая широкополая шляпа. Лошадь Алладина, дико заржав, взвилась на дыбы, грозя столкнуть старичка в пучину. Но странный старик, отвесив поклон, что отдают лишь шаху, спокойно произнес:

— Приветствую Вас, Ваше Величество, Алладин Третий.

— Что за чушь ты несешь, старик? — сдвинув брови, спросил Алладин, негодую на того, кто помешал ему мгновение назад броситься в пучину.

— Я думаю, не стоит спешить туда, где ты и без того рано или поздно все

равно окажешься, — оставляя вопрос Алладина без внимания, молвил старец.

— Да кто ты такой? И почему называешь меня так странно, будто я и вправду шах?

— Я хозяин этих мест.

— Тут все принадлежит шаху!

— То — лишь еще одна иллюзия, свойственная слабому человеческому разуму. Хотя не будем сейчас об этом. А назвал я тебя так действительно немного преждевременно. Но что с тобой? Чем ты так опечален, что решил покончить собой?

— В моей жизни нет смысла. Она пуста. А я несчастен.

— Как это нет? Ты молод, красив и силен. Ты полон желаний. И оттого жизнь твоя полна. Чего же тебе еще надо? Ты попросту не знаешь, как ты счастлив.

— Но у меня ничего нет, и я ничего не могу. Это убивает меня.

— Это твои необузданные желания убивают тебя. Но помни, что они же придают вкус твоей жизни. И кроме того, без них ты не смог бы стать шахом.

— Опять ты несешь эту чушь, старик! Я просто бедный пастух.

— Сейчас ты бедный пастух. Это так. Но надо лишь немного удачи, и вскоре ты станешь шахом. Главное, что ты полон желаний. И потому я смогу тебе помочь. Ты только должен верить, что все возможно, а остальное у тебя уже есть. Суди сам: вчера у тебя еще не было даже осла, а сегодня ты скачешь на прекрасной кобыле. Еще вчера тебя никто не знал. А сегодня уже идет молва о дерзком пастухе, не побоявшемся взглянуть на принцессу. Еще вчера ты только и знал как пасти овец, но сегодня ты уже сбросил с лошади одного из лучших

стражников принцессы, а потом смог ускокать от неминуемого наказания на его же коне. И все это стало возможным благодаря твоему сердцу, полному желаний и не знающему покоя. Когда-нибудь ты будешь вспоминать это время, как самую счастливую пору.

С этими словами диковинный старик растворился в воздухе. Алладин же под воздействием увиденного и услышанного решил повременить со своей преждевременной кончиной и проверить предсказания старика.

С тех пор прошло много лет, и ни разу не пожалел Алладин, что не прыгнул в стремнину. Жизнь его причудливым образом менялась. А он твердо верил в сказанное старцем.

«Все возможно», — не раз повторял он себе, когда в минуту смертельной опасности судьба оставляла ему лишь тень надежды. Желания Алладина сбы-

вались одно за другим. Он скакал на лучших скакунах. Он участвовал и побеждал во многих сражениях. Он тысячу раз рисковал своей жизнью и оттого лишь еще острее ее чувствовал. Он знал и любил многих красавиц, и они любили его. Некогда простой пастух, Алладин прошел славный путь, полный борьбы и опасностей. Он многого достиг. И однажды сам шах счел за честь отдать ему в жены свою дочь, которую много лет назад Алладин увидел, стоя на лугу среди пасущихся овец.

Но прошло время, как песок проходит сквозь узкое горлышко песочных часов. Уже многие годы Алладин был окружен роскошью и несчетными богатствами. Казалось, ничто не угрожало его правлению и процветанию. У него была красавица жена и куча детей. Теперь он мог многое, о чем лишь мечтал когда-то. Да и сам он был еще силен. Но

ничто более не радовало его. Родник желаний был выпит им до дна. Безразличие и скука стали его уделом. Тогда Алладин вспомнил о старце.

«Вот кто мне поможет», — подумал он и отправился в лес, который посетил, будучи бедным пастухом. И вот Алладин со своей свитой достиг тех мест. Один визирь, заметив, как украдкой его доселе бесчувственно-надменный хозяин смахнул слезу, спросил, чем опечален Алладин Третий.

И тогда Алладин ответил, что понял он сейчас, как счастлив был, когда много лет назад бедным пастухом скакал здесь на коне, убегая от смертельной опасности первый раз в своей жизни. Как жарко билось сердце в его груди. И как полна была его жизнь. Тогда как теперь все уже позади, и все бессмысленно и скучно.

Вскоре процессия достигла заветной стремнины. И удивленные слуги увидели, как преклонил колени их непреклонный повелитель в надежде увидеть старца.

Все было тщетно. Старца мог увидеть лишь тот, чье сердце полно желаний и стремлений, лишь тот, чья жизнь и так полна.

Как и много лет тому назад, подумал в тоске Алладин: «Не прыгнуть ли мне в пропасть?» Но и это желание оказалось для него чрезмерным. Он лишь вяло махнул рукой и поехал обратно во дворец.

Июль 2004

Механик и дамочка

— **А** где тут Николай? — спросила молодая дама через открытое окно подержанного, но все же симпатичного купе какой-то японской марки. Она только что въехала на территорию автосервиса, находившегося неподалеку от ее дома.

— Да вон он, в мастерской, где ж ему еще быть, — ответил чумазый мужик, оказавшийся рядом с машиной молодой дамы.

Ольга Артуровна с трудом припарковала машину и вошла в грязную мастерскую. Она была хороша собой. Стильное облегающее платье подчер-

кивало достоинства ее фигуры. А высокие каблочки и темные очки делали ее просто неотразимой. Следует заметить, что Ольга Артуровна не нуждалась в очках вовсе. Но непонятно кем внушенная страсть к ним, уже который год бушевавшая в ее сердце, не позволяла снимать их даже в пасмурную погоду.

Войдя в мастерскую, она сразу же увидела широкую спину Николая, уже не первый год чинившего ей машину. Услышав свое имя, увалень не торопясь всем телом повернулся к ней, и его преисполненное собственным достоинством лицо, покрытое веснушками и машинным маслом, расплылось в приветливой улыбке.

— Что случилось, Ольга?

— По-моему, масло течет, посмотришь?

— Это можно, — и Николай неторопливо двинулся к машине. Он начал ко-

паться в двигателе, а Ольга Артуровна присела рядом. Ей совершенно нечем было себя занять, и она поинтересовалась у Николая о том, как протекает его жизнь.

— Трудно мне, Ольга, — задумчиво промолвил мастер.

— А что так?

— Зинаида моя совсем взбесилась.

Николай был немногословен и самодостаточен. Дамочке приходилось вытягивать из него слова клещами.

— Как это взбесилась, Николай?

— Звонит без конца прямо домой. Ну, Анька, естественно, психует.

Николай многозначительно замолчал. Потом добавил:

— Грозится с собой покончить.

— Да что ты? — встревожено спросила ко всему чувствительная Ольга Артуровна.

— Да, уже и бритву приготовила, которой вены вскрывать собирается, если я Зинаиду не брошу.

— А ты откуда про бритву знаешь?

— Она мне сама показывала. Сказала при этом что-то жалостливое про любовь свою ко мне. Ну и про детей, конечно. Что без матери, мол, трудно им придется.

Николай опять взял многозначительную паузу и погрузил свою чумазую физиономию в недра автомобильного капота.

— А ты что? — не выдержала паузы любопытная дамочка.

— Известное дело, я Зинаиду не брошу.

— Любишь ее?

— И это тоже, — достаточно безразлично ответил механик.

— А Аньку?

— Думаю, и ее тоже люблю. Потом дети все-таки, семья. Мучаются они вот только. Зинаида ведь тоже одолевает просто. Переезжай ко мне, твердит, а то с собой покончу.

— Зачем же ты женщин мучаешь? Определился бы, и дело с концом.

— Оно мне надо, определение это?
А что до женских мучений, так пускай
себе еще помучаются.

И подумав, весомо добавил:

— Жестокий я. Вот оно как.

Лесные дали, июль 2004

Девушка и писатель

Жизнь девятнадцатилетней девушки Яны вошла в полосу неудач. Последнее время ей хронически не везло. Вот и сейчас она никак не могла протиснуться для получения автографа у модного писателя Гаврилова. Ему было лет пятьдесят. Выглядел он, правда, намного моложе. Зал, в котором проходила презентация его новой книги, был битком набит народом. А Гаврилов был один, и на всех его явно не хватало. Яне было досадно сознавать, что она вот-вот войдет в число неполучивших автограф. Ей хотелось прикоснуться к искусству. Пусть даже

это будет такой эрзац сопричастности с Творчеством, как автограф. С искусством у Яны сложились свои, особые отношения. Эти отношения восходили к ее семейным традициям. Для нее было абсолютно ясно, что весь мир делится на людей пошлых, никчемных и людей творческих. К последним, безусловно, принадлежали люди искусства. Это были люди, отмеченные божьей благодатью. Не чета другим. Они жили особой, возвышенной жизнью. Вероятно, они испытывали особенные чувства. А Яна перед людьми творчества испытывала благоговейный трепет. Гаврилов, будучи признанной величиной, безусловно относился к таковым. И вот сейчас, когда соприкосновение с высоким было так близко, ей опять не повезло.

«Так и есть», — подумала она, услышав мелодичный звонок, возвещавший о конце презентации.

Гаврилов встал и, элегантно отдав легкий поклон, поблагодарил собравшихся, после чего незамедлительно покинул аудиторию.

«Ужасно, просто ужасно», — подумала Яна и в отчаянии вышла на улицу.

«Идти и готовиться к этому проклятому зачету? Ну уж нет! Позвонить Наташе?» Наташа была ее близкой подругой. Яна достала мобильный телефон — тот жалобным писком известил, что батарея разряжена. В довершение всего черная кошка перебежала дорогу перед самым ее носом. От всей массы пережитого Яна всхлипнула. Во избежание встречи с черной кошкой она резко развернулась и чудесным образом оказалась в объятиях небезызвестного Гаврилова.

«Боже мой! Такой момент, а у меня наверняка потекла тушь!» — мелькнула мысль.

На счастье Яны импозантного мужчину Гаврилова не волновало такое мелкое недоразумение, как потекшая тушь. Еще меньше его беспокоили черные кошки. Гаврилов питал слабость к молоденьким хорошеньким девушкам, в число которых определенно входила Яна. И потому он не спешил отпускать нечаянно попавшую в его объятия студентку.

— Чем же расстроена юная красавица? — осведомился известный писатель.

— Все ужасно! Просто ужасно! — всхлипнула красавица, по инерции продолжая считать себя несчастной и не отдавая себе отчета, что уже оказалась в объятиях того, у кого минуту назад лишь мечтала взять автограф.

— Ну-ну. Я так, напротив, уверен, что у Вас все просто прекрасно. Или почти все, — сказал Гаврилов, по-отечески по-

хлопывая девушку по плечу. — Если все еще хотите автограф, то составьте старику компанию: пообедаем вместе. Заодно расскажете, почему Вы так несчастны.

В глазах Яны он прочел, что стариком она его не считает.

— Вот и славно, — вслух подумал писатель.

Через каких-нибудь пятнадцать минут они уже сидели за столиком в модном японском ресторане.

— Так что же Вас так расстраивает, многоуважаемая Яна?

— Судите сами, Константин Николаевич...

— Для Вас я просто Константин, — тут писатель доверительно и уже не столь по-отечески положил свою руку на руку Яны.

— Так вот, Константин, — и тут, уже совсем освоившись, Яна пересказала как все несчастья, постигшие ее сегодня.

ня, так и не менее ужасные события дней предыдущих, схожие по своей сути с несчастьями сегодняшнего дня. Яна также посетовала на свой прагматичный выбор юридического института, который, как теперь уже стало совершенно очевидно, никоим образом не отвечал стремлениям ее возвышенной души. Впрочем, что это были за стремления, Яна не могла точно определить. Но твердо знала, что таковые имеются.

Писатель Гаврилов, казалось, внимательно слушал эмоциональный пересказ жизненных невзгод красавицы-студентки, думая при этом о ее пухленьких губках.

— Что же делать? — вопрошали губы Яны.

— Надо бы поцеловать Вас в губы, — задумчиво ответил Гаврилов.

«Как прикольно! Но так быстро нельзя», — подумала Яна и вслух сказала:

— Да нет, Вы меня не так поняли!
Что мне делать?

— Что делать Вам? — возвращаясь к действительности, переспросил Гаврилов. — Прежде всего, не надо бы читать Чернышевского, который, к несчастью советских школьников, не раз задавался этим вопросом. И к чему, скажите, его это привело?

— Кто это, Чернышевский?

— Счастлирое поколение: не знает Чернышевского, — промолвил Гаврилов и кратко изложил, кто это был такой, не забыв упомянуть и о значимости его идейного наследия. После чего плавно подвел к выводу, что вопреки большим и не совсем понятным стремлениям, свойственным некоторым людям, делать ничего грандиозного лучше не надо. Согласно его, Гаврилова, теории, все выйдет и так, само собой, благодаря каждодневной вполне обы-

денной деятельности. Жизнь сама все расставит по своим местам в соответствии с одной только ей известным порядком. И то, что минуту назад представлялось чем-то неприятным и даже ужасным, запросто может оказаться чем-то совершенно иным или явиться причиной чего-то нового и притягательного.

— Возьмем, к примеру, упомянутую черную кошку. А ведь, не перебеги она Вам дорогу, не получили бы Вы мой автограф, не наслаждался бы сейчас писатель Гаврилов непревзойденной Вашей красотой.

Студентка, услышав комплимент, заметно покраснела.

— Да, но институт — это не мое. Я просто в отчаянии, моя жизнь пропадет даром. Брошу все... — не унималась тяготеющая к высокому студентка.

— Ну-ну. Все наладится. Вот увидите. К тому же вы не знаете, чего точно хотите. И, следовательно, не совсем ясно, ради чего Вы будете бросать то, что имеете.

— Вам, увлеченному, состоявшемуся человеку, хорошо говорить. А у меня все так туманно.

— Допустим, что и у меня тоже все было туманно и переменчиво, как, впрочем, и сейчас, — сообщил писатель, любивший говорить правду.

— И Вы не всегда ощущали свое высокое призвание творить? — при последних словах глаза слегка одурманенной студентки, горевшие до той минуты благоговейным светом, расширились в недоверии.

— Вовсе нет.

— Как это нет?

— Да так как-то, знаете ли. До тридцати пяти лет я трудился бухгалтером.

Занятие, надо сказать, далеко отстоящее от моих нынешних увлечений.

Благоговейный огонь, питавший душу студентки, погас в ее глазах.

— И как же вы стали писателем? — спросила она.

— Боюсь, Вы не поверите. Частично от скуки, частично в надежде на карьерный рост я поступил в Бизнес-школу. Там надо было очень много печатать на компьютере при подготовке курсовых работ. И мне понравился сам процесс и то, что его окружает.

— Как это?

— Понимаете, Вы сидите и пишете. Вокруг никакой суеты. Вы ни от кого не зависите. И от Вас никому ничего не надо. Сам бизнес, правда, меня не слишком увлекал. Кроме того, я всегда любил беллетристику. Далее немного усидчивости, немного удачи — *et voilà*¹...

— То есть Вы хотите сказать, что стали писателем не по призванию, а по какой-то нелепой причине? Понравилось Вам печатать, понимаете ли!

Студентка нахмурилась и подумала: «Сижу в ресторане, можно сказать, с первым встречным». Она решительно высвободила свою руку из-под руки Гаврилова и, сославшись на внезапно возникшие неотложные дела, решительно покинула ресторан.

«Сплошное невезение», — думала Яна, идя по улице.

Июль 2004

---

¹ И вот, пожалуйста (*фр.*).

Случай из жизни

— А что, вы начали верить предопределению?

— Верю, только не понимаю теперь, отчего мне казалось, будто Вы непременно должны нынче умереть.

Этот же человек, который так недавно метил себе преспокойно в лоб, теперь вдруг вспыхнул:

— Однако, довольно! Пари наше закончилось, и теперь Ваши замечания, мне кажется, неуместны...

*«Фаталист»,
М. Ю. Лермонтов*

Дело было душной июньской ночью в Москве, где-то в районе Медведково. Компания молодых людей, гулявшая третьи сутки кряду, не замечала никаких признаков духоты. Праздновали освобождение хозяина квартиры от армии и, как следствие, отправки на чеченскую войну. Анатолий, так звали освобожденного от

Чечни и, считайте, заново родившегося, уже не первый раз поднимал тост за своих родителей, которые не пожалели сил в борьбе за сына. Вдруг в его смущенном алкоголем сознании пронеслась мысль, что его место в цепи солдат в Чечне займет какой-нибудь другой парень. И он задумчиво и с некоторым оттенком грусти произнес то ли тост, то ли просто озвучил неожиданно посетившую его мысль:

— Теперь туда поедет кто-нибудь другой. Что делать, судьба. За то, чтобы она была к нам благосклонна!

Все, восприняв сказанное как тост, выпили.

— Однако, пора ко сну, друзья. А завтра сразу же на пляж.

На том и порешили счастливые участники попойки в Медведково.

Как может догадаться прозорливый читатель, это была далеко не единственная компания молодых людей, веселив-

шихся в ту ночь в большом городе. Были среди них и те, кто предавался дурманящим парам Бахуса беспричинно. Николай, Сергей, Даша и Людмила угомонились лишь под самое утро. Во избежание ночных приключений, все остались ночевать там, где и происходила тусовка. Кроме того, решено было на завтра без всяких промедлений ехать купаться за город. Это предложение озвучил Николай тоном, не оставлявшим и малейшего сомнения в великой значимости произносимого:

— Друзья, с утра все едем на пляж! — сказав это, он, с ощущением человека, покоряющего Джомолунгму, опрокинул последний бокал вина и, более не медля, отправился спать. Его примеру последовали все остальные.

— Что они отмечали? — спросит сторонний наблюдатель, особенно если он почтенного возраста.

— Да так, ничего.

Избыток энергии молодости рвался наружу и, не находя выхода в других, может быть и более полезных сферах применения, находил его в дружеском общении, сдобренном изрядным количеством спиртного. В общем, было здорово.

Проснувшись поутру, наши друзья, легко позавтракав, как и было уговорено, отправились на пляж. Николай вел машину с большим трудом. Но все же вскоре целыми и невредимыми они достигли дачи, отстоявшей от Москвы в каких-нибудь пяти-шести километрах на запад, и где обосновалась на то лето Людмила.

В этом чудном месте Москва-река, еще не замутненная городскими нечистотами, щедро предлагала свои живописные изгибы берегов желающим купаться, либо просто ищущим умиротво-

рения на природе. Впрочем, уединение, привилегия избранных, было доступно немногим. День выдался особенно жарким, и весь берег поблизости от дачи Людмилы был усыпан телами страждущих купания людей. Даша и Люда, сославшись на головную боль, остались на даче в тени свежих лип. Наши друзья, все еще слегка хмельные, стояли на берегу, выбирая подходящее место для красивого прыжка в воду. По ходу дела они обсуждали какие-то малозначительные вещи. Николай говорил о том, что еще один бокал вина — и он не смог бы вести машину. Тут Сергей как-то неуверенно и, видимо, оттого неторопливо заметил:

— Смотри, там кто-то тонет.

Сама фраза, своим драматизмом столь контрастирующая с окружающей обстановкой полного благоденствия воскресного утра, солнца, ласково ма-

нящей голубой воды, просто не могла быть сразу же воспринята сознанием. И потому Николай продолжал начатое:

— Да, еще бы стаканчик, и не купаться нам сегодня...

— Там кто-то тонет, — оборвал его приятель чуть более уверенно и кивнул головой.

— Что за бред, кто тонет, где? — потягиваясь произнес Николай, оглядывая берег, полный людей, ни один из которых не проявлял и признака хоть малейшего беспокойства.

Напротив, Николай увидел лишь картину все того же всеобщего благоденствия и безмятежности, приятно заполнявшего его сердце. Люди загорали, читали газеты, плескались в прибрежной воде, пили воду и пиво. И тут Николай явственно услышал слабый, но полный отчаяния женский крик, доносившийся издалека:

— Да помогите же, помогите, тонет, тонет, кто-нибудь, помогите!

— Да вон же, на другом берегу! — сказал Сергей и толкнул его в бок.

Николай посмотрел на достаточно безлюдный противоположный берег, находившийся на приличном расстоянии. Можно было различить, как какие-то люди перемещались вдоль берега. В воде никого не было видно.

— Это какая-то шутка? — немного растерянно спросил Николай. И потом, глядя на приятеля, решил:

— Поплыли.

Тот кивнул головой, и оба прыгнули в воду.

Несмотря на царившую жару, в первое мгновение вода обожгла Николая. Когда они отплыли еще немного, его посетила мысль: «Черт возьми, не утонуть бы самому». Потом он подумал о том, что ему хотелось бы еще раз увидеть Людмилу.

Оба, однако, будучи хорошими пловцами, вскоре достигли противоположного берега. Николая до последнего момента не оставляла мысль, что это чей-то дурацкий розыгрыш. Когда он, наконец, перестал грести руками и, почти упершись в кусты противоположного берега, поднял голову из воды, стало очевидно, что случилось самое худшее. Какая-то девушка рыдала, беспомощно глядя с берега на воду.

— Ныряйте, ныряйте, — говорил мужчина, находившийся в воде, но, видимо, тоже запоздало пришедший на помощь тонувшему. Они принялись нырять, но все было напрасно. Мутная после недавних дождей вода и сильное течение не оставляли никаких шансов. Все было кончено. Николай посмотрел назад. Весь пляж их берега сейчас стоял и в молчании наблюдал за финалом трагедии. Обессилев, друзья поплыли назад.

После крепкого полуденного сна, который был им столь необходим в тот день, все собрались к ужину. Последней в комнату вошла Людмила и, сев за стол, обмолвилась:

— Хозяйка дачи сказала, будто на пляже сегодня утонул какой-то парень.

— Да, — ответил Сергей, — на том берегу, на наших глазах. Мы плавали его спасать, но не успели. Сами еле доплыли после вчерашнего. Обычно это происходит очень быстро, — добавил Николай. — Он утонул буквально в двух метрах от берега. Там, как назло, довольно глубоко.

— Говорят, они отмечали его счастливое избавление от Чечни, — пересказала Людмила услышанное от хозяйки дома. Подобного рода новости распространяются на удивление быстро.

— Судьба, — промолвил кто-то.

После ужина компания засобира-
лась и отправилась в город. Надо было
выспаться перед новой трудовой неде-
лей.

Жизнь продолжалась своим чередом.

Август 2004

Ноктюрн

Он был полностью измотан событиями последних недель. Нет, сказать «измотан» — значило не сказать ничего. Он был просто раздавлен. Смят. Душевно и физически. Будто все проблемки и проблемы, накапливавшиеся как бы исподволь, вызревавшие годами, которых он, в силу своего легкого отношения к жизни, не достаивал своим вниманием, теперь вскрывались одна за одной.

Не оставляя ни минуты передышки, как удары тяжелой плети судьбы по обнаженной спине невольника. Не давая шанса перевести дух, хоть ненадолго

прийти в себя, опускались на него невзгоды. До конца — пока ноги не задрожат, пока дух не дрогнет, а мозг будет не в состоянии разродиться ни одной свежей идеей, но сможет лишь бессмысленно прокручивать раз за разом одну и ту же мысль. Как один и тот же кадр в кино. Раз за разом. Превращая все в бессмыслицу.

Тупо. Нелепо. И в тоже время — ничего другого. В такие дни падает давление, и апатия, подчиняя себе каждую клеточку организма, переходит в физическую слабость.

Желания ушли.

Это произошло не сразу. После первого удара все было наоборот. Как у римского легионера в минуту опасности, у него всегда поднималось давление. Лицо краснело. Сознание работало особенно ясно. Мышцы приобретали необходимую эластичность. Случалось

ли это на ринге, за штурвалом самолета или в его рабочем кабинете. Место, время, обстоятельства не имели значения. Просто он был таков. Так тигр, почуявший след добычи, весь превращается в слух и нюх, чтобы затем обернуться пружиной, молниеносно разворачивающейся в точно выверенном прыжке.

Не в этот раз. Один прыжок, второй, третий, десятый. И силы уходят. Роли меняются. Тот, кто недавно был хищником, неожиданно становится жертвой. И вот он уже сам не имеет ни времени выверить удар, ни сил его нанести, а может лишь вяло отбиваться и уворачиваться. И вот он уже никакой не тигр, но всего лишь раб, пригвожденный к столбу позора у ног своей судьбы. Он оказался среди слабых.

Да, слабых. Слабых. Эта мысль без конца сидит в его воспаленном сознании. От этого становится так тошно,

что нет сил ни поднять руку, ни вытянуть ногу. Приближается грань, за которой ничего нет. Одно лишь оцепенение. Один лишь хаос. Приближается ночь. Дождь, грязь, ветер. Куда все ушло?

Никого вокруг. Кому такой нужен? Друзья, женщины, партнеры, где они? Все ушли. Нет никого. А кто по какому-то недоразумению еще остался, тот скоро уйдет, как и все. Или, не примирившись со своей новой жалкой ролью, уйдет он сам.

Но вот оно. Холодная сталь ручки двери его прибежища подействовала, как стакан холодной воды действует на обезвоженного путника, изможденно-го непосильным путешествием по бескрайней пустыне. Это место знал только он. Он никогда его никому не показывал со времен юности. Он здесь не был целую вечность. Дверь открылась легко. Уже не надо никуда спешить.

Все как обычно. Свет парафиновых свечей. Все как всегда. Поблескивая черной полиролью, его друг стоял на том же месте. Все эти годы он ждал его. Абсолютно черный. Совершенно невозмутимый. Ничего не желающий, но дающий бесконечность. Нужно лишь уметь извлечь. Он не спеша подошел к нему. Провел рукой по полированной деке. Сел на крутящийся стул. Открыл крышку и, как всегда, обнаружил безупречный ряд звуков, заключенных в слоновою кость. Ничем не сдерживаемая гармония звуков разлилась по комнате, вытесняя серый хаос из его души.

Все было позади. Все прошло.

Декабрь 2004

Бекки Тэтчер

— Спасибо, — протягивая деньги за проезд, сказала Вера таксисту. Они с подругой договорились встретиться под центральным расписанием вылетов. Вера немного опаздывала, хоть и выехала заранее. Ее подруга, Ирина, такая же красотка, как и она сама, уже нетерпеливо поглядывала на часы.

— Ну вот и ты наконец-то.

— Чудовищные, чудовищные пробки! — лепетала Вера.

— Да ладно. Наш рейс — по расписанию. Скорее на регистрацию! — отвечала деловитая подруга. — Кстати, что это

за письмо у тебя в руке? От кого? — в глазах Ирины засветилось неподдельное любопытство.

— Сейчас расскажу.

— Девушки, Вам помочь? — перед ними, желая познакомиться, стоял симпатичный парень и нагло улыбался.

— Нет, нет, спасибо, — вежливо, но твердо ответила Ирина. Они никогда не знакомились на улице. Или почти никогда.

— Вы не на конкурс красоты спешите? — не унимался парень.

— Да, да, именно туда, — слегка улыбнувшись, но не меняя взятого курса, отвечали подруги, избалованные вниманием своих многочисленных поклонников.

В эти летние дни аэропорт был заполнен народом, стремящимся сбросить накопившуюся за год усталость в воды одного из теплых морей. Сладост-

ное предвкушение отдыха и приключений заполняло пространство зала ожидания. Позади остались утомительные экзамены последнего курса. Впереди их ждала манящая неизвестность.

— Уфф! — одновременно издали звук удовлетворения девушки, плюхнувшись в кресла эконом-класса после долгих процедур паспортного контроля, сдачи багажа и покупок в магазине беспощинной торговли.

— Продолжай, — Ирина воззрилась на подругу. Любопытство распирало ее изнутри.

— Так на чем я остановилась? — Вера вопросительно посмотрела на Ирину.

— Сочи, солнце, море, мальчик. Тебе четырнадцать лет...

— Ах да. В тот год я с родителями поехала отдыхать в Крым в Ливадию. Тогда там только отстроили новый пансионат. Изумительное место. Конец

августа. Вода двадцать четыре градуса. Но детей почти не было, и я поначалу заскучала. Пока не появился он, Владимир, герой моего будущего романа.

При этих словах глаза Веры мечтательно закатились.

— Удивительно, но я и сейчас помню почти все, вплоть до мельчайших подробностей. Иногда я задаю себе вопрос: был ли он такой чудесный? Или же глубина моих впечатлений происходит оттого, что родители держали меня в моральной строгости, и до четырнадцати лет я ни разу не целовалась с мальчиком. Первый раз я увидела его помогающим родителям выгружать чемоданы. Для своих двенадцати лет — я позже узнала, что ему тогда только исполнилось двенадцать, — он был очень рослым. Светлые волосы. Бронзовый загар. Я думаю, он тоже сразу обратил на меня внимание, хотя и не показал виду.

Утром следующего дня я снова его увидела. Он играл в настольный теннис. Играл он великолепно, но при моем появлении стал особенно стараться и гасить изо всех сил. В результате чуть было не проиграл партию. Я играла по традиции пансионатов — «на победителя». Играла отвратительно, и он предложил поучить меня. Мы договорились встретиться после обеда. У него были удивительно нежные и умные руки. Для обучения игре он ласково брал мои руки в свои и показывал как нужно подкручивать мяч.

— Без этого у тебя ничего не получится, — говорил он.

В последующие дни нашего отдыха мы вместе купались и часами бродили по пляжу. Выяснилось, что Володя недавно прилетел с родителями из Нью-Йорка. Он много рассказывал мне о своей жизни там, за океаном. О небоскре-

бах, улицах, заполненных дорогими автомобилями, вечерних огнях Нью-Йорка. Но главной его страстью был Марк Твен. К своему стыду, я ничего не читала из его творчества. Володя же, напротив, демонстрировал изрядную начитанность. Он казался мне очень умным и знающим жизнь.

Вечерами под пение цикад мы ходили по тенистым аллеям пансионата. Однажды, перед самым отъездом мы заболтались и не заметили, как оказались в отдаленной части территории. Аромат цветов кружил нам головы. Южная ночь, спустившаяся неожиданно, окутала нас непроглядной тьмой. Мне стало страшно, и я взяла Володю за руку. Мы поцеловались. Это был первый в моей жизни поцелуй. И он очень мне понравился. Смутившись, мы молча дошли до дверей пансионата.

— Ты мне очень нравишься, — сказал Владимир, не выпуская моей руки.

— И ты мне нравишься, — ответила я; неизведанное до той поры чувство поднималось в моей груди.

Мы обменялись адресами и телефонами и договорились встретиться в Москве.

На следующее утро перед отъездом я обнаружила письмо, просунутое под дверь, содержание которого я помнила все эти годы. Письмо гласило:

«Дорогая Вера, ты мне очень нравишься, но будет честнее признаться сразу. Мое сердце принадлежит Бекки Тэтчер. Прощай. Владимир».

Мое детское сердце было разбито. Я проплакала всю дорогу домой. Прошли годы. Я росла. Поклонники сменяли друг друга. Но странным образом мне не доставало этого парня все это время. В моей душе оставалась некая незавер-

шенность. Я, знаешь, как-то скучала о нем. Скучала о том поцелуе под пение цикад. В конце концов, я решила отправить ему письмо: «Так, мол, и так. Не желаешь ли встретиться?» — А для большей убедительности вложила в конверт свою лучшую фотографию, чтобы у него не было сомнений, как я теперь выгляжу.

— Ну и как? — Ирина замерла в нетерпении близкой развязки.

— Сегодня получила ответ. Читай.

Письмо гласило: «Дорогая Вера! Конечно, я помню тебя. Ты стала еще красивее. Увы, но я не властен над своим сердцем, которое по-прежнему принадлежит Бекки Тэтчер. Владимир».

— Кстати, неплохо было бы посмотреть на эту стервозную Бекки Тэтчер. Да кто она такая, в конце концов? — подумав, сказала Вера.

— Если мне не изменяет память, это персонаж из повести Марка Твена «Приключения Тома Сойера», — пояснила начитанная Ирина.

Декабрь 2004

Семинар

Чертовы деньги! — раздраженно думал студент-второкурсник Саша Ямской, бодро топя морозным утром по заснеженной дороге в институт. Большой город нехотя просыпался после длинной январской ночи. До восхода солнца было еще далеко. Звезды медленно выцветали на темном небе. Саша думал о неприятном разговоре с матерью по поводу денег, состоявшемся каких-нибудь десять минут назад. Разговор начался за завтраком.

— Дай десять рублей, мам, — вкрадчиво попросил второкурсник, отставив недопитую чашку кофе.

— У тебя же есть стипендия.

— Ну, ты же знаешь, на нее нельзя прожить!

— Если не ходить в рестораны, то можно.

— Какие рестораны, мама! — студент сделал круглые глаза.

— Я вообще не понимаю, для чего тебе деньги. Питаешься ты дома. На одежду я тебе тоже даю. На такси ездить хочешь? Так я лично езжу на метро.

Саша знал мамины скромные запросы. У него, однако, были иные представления о жизни.

И он продолжил неприятный разговор:

— Но у человека должны же быть деньги, — пространно молвил студент, разводя руками.

— У тебя они и есть. Твоя стипендия, — повышая тон, отвечала мамаша.

— Но ты же знаешь, стипендия — это не деньги. Их ни на что не хватает!

— А на что их должно хватать? Я не понимаю.

— Да на жизнь! Мама, что тут непонятного! — повышая, в свою очередь, голос, говорил студент.

Завтрак был давно закончен, и они беспокойно перемещались по квартире.

— Я тебе не дам денег. И все, — при этих словах мамино лицо приняло неприятное упрямое выражение.

Терпение студента лопнуло, а аргументы иссякли, и он злобно сказал:

— Когда-нибудь я буду зарабатывать очень много денег, и ты пожалеешь, что не давала мне их, когда я в них нуждался!

С этими словами студент вышел вон из дому, для большей убедительности хлопнув дверью.

— Буду очень рада, — раздраженно пробормотала мать.

Саша ненавидел говорить о деньгах с матерью. Точнее будет сказать, просить у нее деньги. Вот если бы деньги просили у него! «Да-а-а... было бы совсем другое дело», — думал Саша. Как всякому человеку, находящемуся на изживении, ему казалось, что деньги есть всегда. Их просто почему-то не хотят ему дать. А ведь ему так немного надо.

Саше также неприятна была и очевидная правота матери. Он ведь запросто мог не просить денег, откажись он от веселого времяпровождения с друзьями. Но этот вариант почему-то им не принимался в расчет. Более того, мысль о нем действовала раздражающе.

К тому же, Саша Ямской представлял себя уже взрослым. Имел собственные суждения, независимые от мнения матери. Даже иной раз поучал ее. И в то же время просил эти чертовы деньги. А денег после смерти отца в семье

явно не доставало. Жить на зарплату матери было непросто. Мать, любя свое чадо, деньги иногда все же давала. Но каждый раз лишь после долгих препирательств, в процессе которых Саша осознавал свою зависимость от чужой воли. В такие минуты Саша явственно ощущал собственную не-свободу. Он шел и думал, как хорошо будет, как свободно, когда он, наконец, будет иметь собственные деньги и выдавать их другим.

Саша шел уверенно, ибо он был полон решимости в недалеком будущем освободиться от причины своих страданий.

Первой парой был семинар по философии. Саша поднял руку и спросил:

— Я хотел бы задать вопрос, не имеющий прямого отношения к сегодняшней теме. Вы позволите?

Преподаватель любил свой предмет, и любое проявление живого к нему интереса всячески приветствовал. Поэтому он ответил:

— Извольте.

— Я хотел бы знать, зависит ли свобода от денег?

— А что Вы сами думаете по этому вопросу? — осведомился преподаватель.

— Полагаю, что «да».

— И почему?

— Можете Вы поехать, куда захотите, без денег? — возбужденно, как будто продолжая утренний спор, заговорил студент. — Нет, — отвечал он сам себе. — Потому что нечем будет платить за билет, за гостиницу. Или, например, можете ли Вы ходить в том, в чем считаете нужным, и формировать тем самым свой собственный имидж? При отсутствии денег — вряд ли. А можете ли выжить где хотите, как хотите, не спраши-

вая других? Без денег — вряд ли. Таким образом, без денег Ваша свобода выбора места жизни, передвижения, формирования собственного имиджа невозможна.

С этими словами удовлетворенный собственными доводами студент сел на свое место.

Преподавателю очень не хотелось признавать правоту студента, и он пустился в пространные рассуждения о свободе как таковой в ее философском понимании.

— Прежде всего и во избежание путаницы, необходимо подразделить категорию свободы на свободу мысли и свободу действий. Вначале несколько слов о свободе мысли, так как именно она, являясь определяющей для действий человека, первична. Свобода мысли, надо признать, существенно ограничена в результате нескольких факторов. Человек с раннего детства воспринимает

многие мысли, нормы морали как данность. Как нечто само собой разумеющееся. Вначале это происходит в семье, затем в школе. В дальнейшем бывает сложно определить: является своей та или иная мысль, либо она просто вошла в тебя сама собой, можно сказать, с молоком матери. Далее, в любом обществе, где живет данный индивидуум, также господствуют те или иные представления о том, что хорошо и что плохо. Существует некая парадигма, которая оказывает мощнейшее влияние на формирование мыслительного процесса. Свободная собственная мысль легко может быть подавлена, если она не укладывается в рамки существующей парадигмы. Я, если хотите, говорил бы о необходимости волевого усилия для отправления свободы мысли. Ведь ей, своей мысли, необходимо преодолеть давление окружающей среды.

Преподаватель, разглагольствуя на темы, отличные от заданных на дом, в задумчивости перемещался по аудитории. А у неподготовленных к семинару студентов появилась надежда в этот раз не оказаться пойманными.

— Но если свобода мысли, являясь существенно затрудненной, все же до некоторой степени возможна, то свободы действий фактически не существует. Как писал один из классиков экзистенциализма: «У меня нет главной свободы — свободы быть. А значит, я раб». Внешние обстоятельства, надо признать, играют доминирующую роль в жизни человека. Человек, по большому счету, не знает, что с ним может произойти буквально в следующее мгновение. Допустим, температурный режим на Земле меняется на сто градусов — мелочь в масштабах вселенной. Однако ж фатальная для всего человеческого

племени. Да что там вселенские катаклизмы, вспомним Булгаковское нечаянно разлитое подсолнечное масло — и голова с плеч. О какой же свободе действий, свободе выбора можно говорить? Видимо, говорить можно лишь о некоторой свободе выбора, обусловленной внешними обстоятельствами. Человек, как говорится, полагает, а бог располагает.

Пока преподаватель с упоением вещал на одну из своих любимых тем, Сашина голова все больше клонилась к столу и, убаюканный монотонностью изложения, далекого от интересовавшего его предмета, он очутился в сладких объятиях Морфея.

И вот Саша, уже всеми уважаемый отец семейства, собирается утром на работу.

— Дай же мне, наконец, денег, — говорит ему красавица жена.

«Никогда не любил разговоры о деньгах», — подумал Саша, а вслух произнес:

— Но я же давал тебе три дня назад.

— Ты же знаешь, что этого не хватит и на бензин!

— Ну, уж на бензин должно хватить.

— А ты знаешь, сколько стоит бензин!

Саша молчал. Он не знал, сколько стоит бензин, потому что ездил с водителем на корпоративной машине. Он, однако, знал, что расходы, к которым привыкла семья, им не по карману. Ему бы сказать просто: «Так и так, Сонечка (так звали жену), нам это не по карману». Но даже мысль об этом была глубоко неприятна, а говорить такое просто не поворачивался язык. Поэтому он с кислой миной, вынимая деньги, проворчал:

— Ешь ты их что ли?

У жены при этих словах на глаза навернулись слезы.

— Ты же знаешь, я жертвую своей карьерой ради детей! Какая несправедливость. Сам зарабатывает тысячи и тысячи, а я должна выпрашивать деньги! Нет, это невыносимо. И она хлопнула дверью. Дверь, правда, сразу же отворилась. Вошел сын, новоиспеченный студент юридического факультета.

— Пап, дай денег.

— Каких еще денег?

— Ну как, пап, ты разве не знаешь, мы с друзьями собрались на рождественскую поездку в горы? И ты разрешил.

— И прекрасно. Поезжай.

— А деньги?

— Я полагал, что тебе платят стипендию.

— Пап, ты же знаешь, что на стипендию в горы не поедешь. А ты обещал!

Александр Ямской мрачно промолвил:

— Хорошо, вечером.

Когда он уже собирался выходить из дома, раздался телефонный звонок.

— Почему ты меня обижаешь все время? — прозвучала трубка обиженным голосом матери.

«О боже!» — пронеслось в Сашиной голове.

— О чем ты, мама?

— Ты же знаешь, что невозможно прожить на пенсию.

— Но я же даю тебе дополнительно.

— А ты знаешь, какая сейчас инфляция, сынок?

Будучи работником финансовой сферы, Саша знал точную цифру.

— Десять процентов, — нервно ответил он.

— Но ты мне уже несколько лет даешь одну и ту же сумму в месяц!

— Но и мой доход уже несколько лет почему-то никто не индексирует, мама!

— Но при этом вы почему-то не меняете своих привычек! Несколько машин в семье, путешествия, гольф-клубы...

— Гольф-клуб мне нужен по работе, машина у меня корпоративная. Боже мой, почему, почему я должен оправдываться! — заорал Саша Ямской. — Все эти чертовы деньги! Я же их не печатаю!

Выходя из квартиры, он в раздражении хлопнул дверью — и проснулся от этого звука. Студенты собирали учебники и тетради. Семинар по философии закончился.

Декабрь 2004

Полет

Николай Николаевич, человек среднего возраста, совершал перелет Токио—Москва. Николай Николаевич был человек солидный, из бизнес-класса. Летал он в Токио по делу, а не просто для каких-то там развлечений.

«Так же, как мой отец, — думал Николай Николаевич. — Да и дед, пожалуй», — плавно продолжала свое развитие привычная ему мысль.

Тут надо отметить, что ни отец, ни дед Николая Николаевича в Токию никогда не летали — ни по делу, ни без дела. А вот в ресторан «Токио», что в

гостинице Россия, его отец любил захаживать. Разумеется, всегда по делу. Переговоры, прием делегаций и все, знаете ли, такое. И дед его при жизни был человеком солидным. Николай Николаевич всегда тоже очень хотел стать человеком солидным и всячески к этому стремился. Ему даже представлялось, что существует некий универсальный метод, дающий такую возможность счастливым, успешно его усвоившим. В этой связи он внимательно отслеживал жизненные пути его успешных знакомых, пытаясь при этом делать ему одному понятные обобщающие выводы. То, что формула успеха была у каждого своя, Николая Николаевича почему-то не смущало, и он продолжал свои обобщающие изыскания.

Во время полета Николай Николаевич одновременно наслаждался и

страдал. Наслаждался он тем, что летит не в каком-нибудь эконом-классе, а в «бизнесе». А это, соответственно, означает, что летит он по делу. Только вот не все стюардессы, как ему представлялось, до конца понимали всю значимость происходящего. Оттого, для большей убедительности, он придавал своему лицу выражение утомления и сосредоточенности. Сосредотачиваться было особенно не на чем. Да он и не был большим охотником до этого. Тем не менее, ввиду многолетней практики, вид сосредоточенности и утомления происходящим давался ему в последнее время удивительно легко. Что подтверждало где-то услышанную мысль, которую он, правда, никак не соотносил со своими достижениями в области мимики лица, что нет в жизни таланта — но только труд и труд.

Но не мелкие огрехи стюардесс заставляли страдать его.

«В конце концов, они просто глупы, если не понимают элементарных вещей», — полагал Николай Николаевич.

Наличие первого класса в самолете — вот что беспокоило его весь полет.

«Стюардессы хоть глупы, конечно, но понимают, что если в первом классе подают черную икру, а кресла по мановению руки их обладателя превращаются в кровать, то и люди там посolidнее летят». Подумав об этом в очередной раз, он даже чуть было не поперхнулся полагавшейся ему порцией красной икры. Вообще-то он с детства предпочитал красную икру черной. Но сейчас ему определенно хотелось черной.

— Какое вино вы желаете с основным блюдом? — прервала его размышления стюардесса, развозившая напитки.

— Бордо, пожалуйста, — и он указал на бутылку красного вина. Но прежде чем стюардесса успела налить бокал, Николай Николаевич со словами «позвольте» с неожиданной проворностью взял из рук стюардессы еще не наполненный бокал и начал рассматривать его на свет. Через некоторое время он разглядел разводы на стенках бокала.

— Так и есть, грязный!

— Возьмите, пожалуйста, другой, — вежливо ответила стюардесса, и уже хотела было наполнить ему бокал, как Николай Николаевич повторил процедуру, проворно вырвав из рук стюардессы очередной бокал.

«Черт, все то же самое», — думал он, методично изучая стенки бокала на предмет их чистоты. Он чувствовал, как кровь приливает к вискам при мысли, что не позаботься он о

себе сам, сейчас пил бы из грязного бокала.

— У вас они все такие! Бизнес-класс называется, — в раздражении сказал он вслух и сам протер стенки бокала салфеткой, отчаявшись получить чистый бокал из рук стюардессы. Перед тем как пригубить вино, он неожиданно вспомнил о приборах, ножах и вилках, которыми, поглощенный неприятными мыслями о пассажирах первого класса, пользовался, забыв проверить их на чистоту.

«Боже мой! — подумал он. — «Я ведь, кажется, не протер их», — и легкая испарина выступила у него на лбу от этих нелегких мыслей.

Вино расслабило его, и он погрузился в дремоту, на время забыв о своих волнениях.

По прилете он совершенно неожиданно претерпел очередное унижение.

За ним забыли выслать служебную машину. Как назло, когда он стоял в очереди на такси, рядом прошли те самые стюардессы.

«Черт побери! Они явно видели, что я собираюсь ехать на такси, а не на черной служебной машине!» — пронеслось в голове, и кровь ударила ему в лицо.

Мысли его были прерваны наваливающимися событиями. Подошла его очередь, и нужно было садиться в машину. Николай Николаевич с первого взгляда понял, что на стоящей перед ним машине ехать нельзя. Она была слишком грязная. Тем не менее, он все же сунул голову внутрь, но лишь затем, чтобы убедиться, как она грязна изнутри.

— Вам помочь с багажом? — наивно спросил не подозревавший о надвигающейся беде таксист.

— Что ж у Вас машина такая?
— Какая?
— Грязная. Неужели непонятно?
— Так Вы едете? — с очевидным удивлением спросил таксист.

Сзади из очереди раздалась нетерпеливые голоса грубоватых сограждан, призывавших поторопиться. Николаю Николаевичу стало ясно, что ему не дадут разъяснить этому олуху, что машину надо мыть, и он, без дальнейших препирательств, в раздражении просто захлопнул дверь. Третья машина оказалась почище. Водитель гнал как сумасшедший. Но скорость никогда особенно не беспокоила Николая Николаевича, и вскоре он благополучно добрался до дома.

«Поздно! Испачкался!» — мелькнула мысль, когда Николай Николаевич, очевидно второпях не подумав, хлопнул дверь такси. Дверь была покры-

та какой-то жижей, которой поливают дороги Москвы в зимнее время. Теперь эта грязь красовалась на перчатке Николая Николаевича, до этого безупречной в своей чистоте.

«Вот так! Неделями выбираешь подходящие себе вещи. А потом. В один миг! Вот так!»

Пока он вертел ключами в многочисленных замках, раздался звонок телефона. Николай Николаевич, открыв дверь, сразу же снял трубку.

— А, это ты, мама, — пока он произносил эти слова, взгляд его упал на шторы. Тревога отразилась на его лице.

— Извини, мама, сейчас не могу, я тебе перезвоню, — не дожидаясь маминей реакции, он аккуратно положил трубку. Николай Николаевич слыл человеком аккуратным. Никогда, как бы он ни спешил, как бы ни был взволнован, не позволял он себе неподобающего

отношения к вещам. Вот и сейчас, находясь в большом волнении от увиденного, он все же аккуратно положил трубку телефона. И только после этого, ни секунды больше не медля, он устремился прямо к шторам и начал их поправлять.

«Боже мой, сколько раз я говорил этой тупице уборщице, как должны висеть шторы. Все приходится переделывать самому!» Поглощенный этой мыслью, он некоторое время провел у окна, поправляя гардины, что, конечно же, далось ему не сразу. Он другого и не ожидал.

«Ясное дело, — думал он, — легко испортить, а вот попробуй установи, как они должны висеть. Как они висели до того, пока она их не потрогала своими руками!»

Наконец необходимый порядок в складках штор был наведен. Николай Николаевич в поисках прочих сюрпри-

зов уборщицы беспокойным взглядом окидывал комнату.

«Так и есть! Да что она тут делала, в конце концов!» — Он уже направлялся к массивному дивану, когда опять зазвонил телефон.

— Да. Да, только что. Конечно. Отчет будет готов завтра. Извините, сейчас очень занят. Перезвоню позже, — нервно проговорил он и устремился к дивану.

«Неужели же нельзя не двигать вещи?» — раздраженно думал он об уборщице, передвигая диван то немного вправо, то чуть влево.

Но любое действие имеет свою вполне определенную протяженность во времени, а, следовательно, свое начало и свой конец. Так и в случае с перемещением дивана. Хоть и не сразу, но все же смог установить его Николай Николаевич так, как и подобает ему стоять, на его обычное место.

Он еще раз окинул взглядом комнату.
«А это что такое?»

Стремительно, как, впрочем, того требовала ситуация, он подошел к телевизору, который в результате действий никудышной уборщицы был не полностью накрыт полиэтиленовым чехлом. И теперь туда проникала пыль. Это было несложно. Два, три простых движения и — готово! Но сколько пыли могло попасть в точную аппаратуру за время его отсутствия?

Николай Николаевич почувствовал острую потребность в душе.

Вытираясь полотенцем, он в который раз обратил внимание на прыщ на подбородке.

«Как бы не задеть его!» — эта мысль плотно владела его сознанием в течение всей процедуры бритья. В конце концов он выдохнул воздух, спиравший грудь, пока он работал бритвой. Прыщ

остался невредимым. По поводу сепсиса можно было не беспокоиться.

Прошел почти час, как он вышел из ванной. Ему очень хотелось выйти на балкон, сделать глоток свежего воздуха, но он, гордившийся самодисциплиной, решил выждать еще один час. Пока можно было послушать музыку. Он подошел к аудиосистеме, расчехлил ее, потом достал белые перчатки. Это были его старые друзья. Тень улыбки возникла на его доселе непроницаемом лице. Перчатки были его изобретением. Давным-давно он понял, как можно нажимать клавиши управления магнитолой, не оставляя на них жирных следов от пальцев: «Все просто! Перчатки!»

Какое-то время он слушал свои любимые с детства мелодии. Он был почти полностью спокоен и умиротворен, как вдруг тревожная мысль пронеслась в его голове. Он посмотрел на часы.

«Боже мой! Что я делаю? Целый час непрерывной работы системы!» Перед его потревоженным сознанием появились ролики, шарики и прочие трущиеся детали, которые от столь варварски длительного пользования магнитолой изнашивались буквально на глазах. Перчатки были вновь востребованы. Магнитола замолкла, снова помещенная под надежный полиэтиленовый чехол. Чувство беспокойной заботы и тоски постепенно вновь брало его в свои липкие объятия.

На исходе второго часа Николай Николаевич решил, что уже можно выходить на балкон, не боясь перепада температуры после теплого душа. Не боясь просто простудиться или, что еще хуже, как случается с некоторыми не заботящимися о себе олухами, подхватить воспаление легких.

Он стоял на балконе. Взгляд его, скользнув по освещаемым заходящим солнцем излучине Москвы-реки, зубча-

тым стенам древнего Кремля и маковке Колокольной Ивана Великого, упал на карниз балкона. Это было невыносимо! На карнизе отчетливо были видны плохо убранные следы птичьего помета.

«Следы птичьего помета, помета, помета!» — в раздражении, но с зарождающейся в отдаленном уголке его сознания какой-то другой, параллельной мыслью, думал Николай Николаевич.

«Полета!» — конечно, он давно хотел полета. Что-то прояснилось в его взгляде, будто бы тяжелый груз, давивший долгие годы, наконец-то упал с его плеч, и он, нелепо взмахнув руками как крыльями, сильно оттолкнулся ногами.

Январь 2005

Диктант

Второкласснику Вова Сидорову уже давно втайне нравилась его одноклассница Таня Наумова. Но если бы кто-нибудь спросил его, нравится ли ему Таня, он с негодованием отверг бы подобное предположение. Он даже почти убедил себя самого в обратном.

Дело было в том, что Вова совсем не был уверен, что он нравится Тане. И потому он всячески демонстрировал к ней свое безразличие. Между тем, они уже целый год сидели за одной партой. И сейчас, по дороге в школу, он думал о том, как они будут сидеть вместе все три урока. У Тани был симпатичный

небольшой носик, голубые глазки. У Тани были две прехорошенькие косички, за которые Вова ее иногда дергал. Тане это не нравилось, но Вова от этой мысли становилось хорошо.

Хотя Вова никогда бы не признался в этом даже самому себе, но сидеть за одной партой с Таней Наумовой было большой удачей. Ведь для того, чтобы находиться с ней рядом, ему не надо было предпринимать никаких усилий. Все было решено кем-то другим, а он лишь выполнял волю учителя. Более того, когда год назад учительница при всех спросила, хочет ли Вова сесть на освободившееся место рядом с Таней, он сделал вид, будто ему все равно. Но сердце его билось в бешеном ритме, когда, взяв тетрадки и пенал, он шел на свое новое место.

В этот момент он услышал шепот Сафоновой:

— Тили-тили-тесто, жених и невеста.

Вова густо покраснел. Во избежание подобного рода инсинуаций в будущем, во время перемены и при большом скоплении детей он крепко треснул Таню Наумову учебником по голове.

— Дурак! — сказала Наумова, и Вова стало очень неприятно. Забыв, что это он первый треснул Таню по голове, Вова обиделся на оскорбление и два дня с Таней не говорил вовсе. К своему стыду, с того времени Вова не раз предпринимал подобные действия в отношении Тани. Зато никто не мог теперь подумать, что они жених и невеста.

У Тани тоже был неангельский характер. Если она видела, что Вова что-то не знает, то никогда не давала ему списывать, закрывая маленькой ручкой свою тетрадь. Это Вову особенно злило. В такие моменты он старательно вытягивал шею и даже немного привставал,

дабы увидеть заветное решение. Но снизить до просьбы показать написанное не решался. Только думал про себя: «Ну и дура. Ты у меня спишешь что-нибудь, когда сама знать не будешь! Как бы не так!»»

Но как бы этого ни желал Вова, такого случая не представлялось. Таня была страшной зубрилкой, и училась почти на одни пятерки. А посему списывать у Вовы ей не было никакой нужды. Получить оценку ниже четверки для Тани было большой трагедией. Когда полгода назад ей поставили за контрольную «три», Таня горько заплакала. Кроме того, Таня была необыкновенной чистюлей и аккуратисткой. На ее половине парты, в отличие от Вовиной, всегда царил полный порядок. А еще у Тани были очень красивые пенал, ручки и карандаши с цветными ластиками, которыми она очень гордилась.

Из-за своей неорганизованности Вова часто забывал или терял всякие предметы: то ручку, то карандаш, то тетрадку. Несколько раз он просил у Тани выручить его. Бывало, она его выручала. Но после последней Вовиной выходки Таня уже месяц как с ним не разговаривала. Вова, в свою очередь, также изо всех сил демонстрировал свое к ней пренебрежение.

В тот день первым уроком был диктант. Русский особенно хорошо давался Тане. А вот у Вовы частенько возникали проблемы с правописанием. Впрочем, если бы не соперничество с Таней, эти проблемы Вову вовсе бы не волновали.

Учительница начала размеренно диктовать:

— Осень. Поля опустели. Не слышно пения птиц. Они улетают в теплые края. Солнце появляется все реже и реже.

У Вовы была привычка время от времени смотреть, что делает Таня. Обычно диктанты ей давались на удивление легко. Но сегодня страсть к порядку сыграла с ней злую шутку. Вова смотрел на Таню и не верил своим глазам. Уже, наверное, минуту она, вместо того, чтобы писать, ластиком пыталась стереть какую-то неверно написанную букву. Учительница тем временем неумолимо продолжала чтение текста:

—Последние листья опадают с деревьев. Часто идет дождь...

Дети так же монотонно писали диктант. Но Таня продолжала стирать что-то ластиком у себя в тетради. Вова было ясно, что она безнадежно отстает от диктовки. По всей видимости, это было ясно и самой Тане. С ее голубых глаз прямо на тетрадь упало несколько слезинок. Слезинки превратились

в кляксы, сделав Танино положение окончательно безвыходным.

«Вот тебе!» — подумал Вова.

Учительница тем временем монотонно диктовала:

— Хмурые тучи покрыли все небо...

Таня больше не могла ни стирать ластиком, ни писать. Тетрадка ее была вся в кляксах. Диктант подходил к концу. Двойка неотвратимо надвигалась на Таню. Она зарыдала. Но продолжала тереть и тереть тетрадь ластиком.

Вова хотел ей помочь. Ему вдруг стало искренне жаль ее. Страх того, что его назовут женихом, более не владел им.

— Хочешь, спиши у меня, — сказал он.

Но учительница уже собирала тетради. Было ясно, что это бесполезно.

В следующее мгновение спасительная мысль пронеслась в Вовиной голове. Действовать надо было быстро и

решительно. Он протянул руку и схватил за угол Танину тетрадь. Она машинально потянула тетрадь к себе. Он потянул сильнее. Тетрадь порвалась, и в руках Вовы остался покрытый кляксами обрывок диктанта, который он сразу же порвал на несколько частей.

— Сидоров, ты что делаешь? — учительница, Антонина Николаевна, стояла прямо над их партой. — Совсем из ума выжил. Как же я теперь проверю диктант Наумовой! Не плачь, Танечка. Ты просто перепишешь диктант после уроков. Давай дневник, Сидоров! Чтобы завтра же родители были в школе!

На следующем уроке Таня прошептала Вове на ухо:

— Если хочешь, можешь взять мой карандаш с красным ластиком.

Уже вечером, по дороге домой, Антонина Николаевна, вспомнив дневную выходку Сидорова, подумала:

«Видимо, придется их рассадить. Не нравятся они друг другу».

Март 2005

Любовь к свежему воздуху

Никита Сергеевич еще издали заметил своего старого приятеля. В чем, в общем-то, не было ничего удивительного — ведь в переулке в этот час уже не было прохожих. И хотя Москва, как известно, не самый спокойный город, в особенности для вечерних прогулок, — а Петр Евгеньевич никогда не отличался ни чрезмерной смелостью, ни чрезмерной физической силой, — он парадоксальным образом всегда тяготел именно к поздним прогулкам. Дай ему волю, и он, рискуя потерей достоинства, здоровья, да и самой жизни от рук московских хулиганов, выходил бы на прогулки и во-

все ночью. Никита Сергеевич же, напротив, любивший ложиться спать до полуночи, подобные попытки своего старого знакомого по возможности пресекал.

Это было далеко не единственное различие в предпочтениях этих двух людей среднего возраста. Никита Сергеевич был подтянут, чему способствовали регулярные занятия спортом. Виды спорта он выбирал достаточно жесткие. В частности, отличался на хоккейном поле, занимался сплавом по бурным горным рекам в разных уголках планеты. А вот дворовых хулиганов Никита Сергеевич еще с детства опасался. В этом, надо признаться, крылась еще одна причина неодобрения им позднего приема воздушных ванн.

Петр Евгеньевич же был скорее вялого телосложения. Однако сказать, что он полностью пренебрегал своим телом, было бы неправдой. Просто он следовал несколько другим принципам. Еще с мо-

лодости его девизом была фраза: «Организм надо беречь, а не укреплять». И в этой своей уверенности он все более укреплялся с годами, свысока смотря на своих знакомых, регулярно получавших травмы в результате спортивных занятий. Физические упражнения, которые он время от времени предпринимал, в основном ограничивались поднятием тяжестей в форме килограммовых гирь. Он уделял также большое внимание еженедельным водным процедурам, которые были представлены паровой сауной с неизменными последующими массажами, масками лица, всевозможными кремами и маникюром. Петр Евгеньевич любил свежий воздух. И здесь они были близки с Никитой, чем в том числе объяснялись их нечастые прогулки.

Надо сказать, что длинный перечень различий в предпочтениях приятелей не исчерпывался вышеупомянутыми.

При более внимательном рассмотрении можно было сделать вывод, что это совершенно разные люди. Петр Евгеньевич питал слабость к сладким и полусладким винам, любил немецкую кухню. Никита Сергеевич из вин потреблял только сухие, не верил в существование шампанского, содержащего сахар, и, находя немецкую кухню скучной, выступал за разнообразие в еде. Китайская, французская или, на худой конец, деликатная японская кухня — таковы были его гастрономические вкусы.

Петр Евгеньевич обладал скорее конкретным мышлением. Всю свою жизнь он неизменно испытывал жгучий интерес к разным устройствам и механизмам, любил посещать музеи военного искусства и всяческих достижений научного прогресса. Из литературы Петр Евгеньевич с удовольствием

читал исторические романы, в особенности, содержащие описания военных действий. Как в кино, так и в литературе, он также очень любил фантастику, хотя и не допускал возможности наступления сверхъестественных явлений, относящихся непосредственно к его жизни.

Никита Сергеевич, напротив, считая, что в жизни абсолютно все возможно и все может произойти с ним хоть в следующее мгновение, чтением фантастики не увлекался. Когда-то в поисках смысла жизни он перелопатил массу философской литературы. Но, придя к выводу, что найти смысл жизни в книгах ему не дано, утратил интерес к философии. Когда-то его интересовала мотивация человеческих поступков и соответствующая литература по психологии — но и этот интерес угас с годами.

Их музыкальные пристрастия также разнились. А если где-то и совпадали, то, за редким исключением, причина такого совпадения скорее крылась в ностальгических чувствах, вызываемых какой-либо старой мелодией, нежели музыкальным стилем как таковым. Петр Евгеньевич любил массовые шествия, шоу. Никита Сергеевич негативно относился к любого толка большому скоплению народа.

Петр Евгеньевич пренебрежительно отзывался о балете и опере, предпочитая им частые походы в драматический театр. Никита Сергеевич не посетил ни одного драматического спектакля со времен юности, зато он всегда с готовностью ходил на оперу и балет. Несмотря на склонность к депрессиям, Петр Евгеньевич обладал немалым чувством юмора, и в минуты эмоционального подъема без усталости веселил компании

друзей цитатами из ранее прочитанных произведений литературной классики.

Юмор Никиты Сергеевича был суроват, не всегда и не всем понятен. Депрессии же он и вовсе в молодости считал душевной распущенностью. И лишь с годами, ознакомившись с соответствующей научно-популярной литературой, пришел к выводу, что депрессии являются результатом генетически заложенных биохимических обменных процессов головного мозга и эндокринной системы. Что, в числе прочего, позволило ему с большим пониманием относиться к чувствам, порой безнадежно обуревавшим его друга.

Можно было бы и дальше перечислять всевозможные различия двух приятелей, продолжая все больше удивляться, что же все-таки могло связывать этих людей. Вопросом этим они не раз задавались и сами, хотя и не вслух.

Видимо, роднило их то, что они знали друг друга тысячу лет, когда-то учились в одном классе. В юности входили в одну компанию. Посещали одни и те же места. Им было что и кого вспомнить. Кроме того, благодаря своим родителям, немало добившимся в свое время на чиновничьей ниве, они были с детства близки по социальному статусу. Да и в настоящем их материальные достижения не слишком разнились. В этой связи они легко могли вместе посещать различные места одной ценовой категории, будь то рестораны, клубы или курорты, не задумываясь о том, по карману ли это другому. Или, что еще хуже, сможет ли другой заплатить сам? Не будет ли простой рассказ о горнолыжном курорте звучать обидно для другого? Воистину, жар многих дружеских чувств изрядно поостыл на почве возникшего материального неравенства.

Нет, у наших знакомых были различия более глубокого порядка, которыми их во многом наделила сама природа, и которые не исправишь праведным или неправедным трудом.

— Дообобрый вечер, достопочтеннейший Петр Евгеньевич, — широко улыбаясь, скорее пропел, чем проговорил Никита Сергеевич, протягивая руку вперед.

— Добрейшего вечера и Вам, многоуважаемый Никита Сергеевич, — ответив вялой улыбкой на довольно хищную улыбку своего знакомого, проговорил Петр Евгеньевич. Они пошли по переулку.

Петр Евгеньевич был не на шутку взбудоражен. Плечи его закруглялись книзу больше обычного, как бы внешне дополняя картину обуревавшего его пессимизма. Еще во время предшествующего прогулке телефонного разговора Никита понял, что с приятелем произо-

шла какая-то неприятность. Общаясь с Петром Евгеньевичем тысячу лет, он безошибочно знал, какая именно. Знал он также, что Петру Евгеньевичу необходимо обсудить с кем-нибудь свою проблему. Так уже бывало много раз. Так как Петр Евгеньевич молчал, а разговора было все равно не избежать, Никита Сергеевич, заговорил первым.

— Ну, как дела? Как поездка? Погода была хорошая?

— Да, погода была хорошая. А поездка отвратительная.

— Странно, а мне казалось, что ты всем остался доволен.

— Чем же тут можно быть довольным? Я все сделал. Заказал билеты. Гостиницу. Два разных номера, между прочим. Все, как она хотела. Кстати говоря, пять звезд. То же самое место, где мы были два года назад. Почему, скажи ты мне, она так себя ведет со мной?

— Как так?

— Как? Уже в аэропорту ей вдруг начались бесконечные звонки. И так это знаешь, она при этом мне говорила: «Сейчас, я на секундочку...» — и уходила в сторону. Я сдаю наш багаж, а она щебечет с кем-то по телефону. Нам нужно проходить паспортный контроль, а она все щебечет. Весело так щебечет. Увлеченно. Потом даже перестала отходить для этого в сторону. Она специально не отключала телефон до самого последнего момента. Он в очередной раз позвонил прямо перед взлетом. Уже зажглись надписи «пристегните ремни». Это же безобразие! Уже объявили о необходимости отключить мобильные телефоны. Она, ни на что не обращая внимания, просто доверительно тихо говорила в трубку, отвернувшись. Как будто бы я пустое место. Да и что, спрашивается, можно без конца обсуждать?

— Может быть, он ей просто нравится?
В этом случае неважно, что обсуждать.

— Не знаю. При чем тут это? Я спросил у нее, кто это ей без конца звонит. Знаешь, что она ответила? «Ты что, ревнуешь? Мы же с тобой договорились, мы просто друзья».

— Так ты поэтому снял два номера?
И давно вы об этом с ней договорились?

— Где-то год назад.

— А на что же ты тогда сердишься?

— Ты просто не понимаешь, как она для меня много значит. Я надеялся, что на курорте у нас все будет как раньше. Почему я должен так страдать? Ведь я столько для нее сделал.

— Что же именно?

— Много всего. Шубу норковую до пят. За год образования ее дочери заплатил. Не хочу перечислять всего.

— Денег что ли девать некуда?

Вместо ответа Петр Евгеньевич, посмотрев куда-то в сторону и наверх, издал негромкий, но вполне характерный хмыкающий звук, который означал: «Тебе этого все равно не понять».

«Куда уж нам!» — подумал Никита Сергеевич, а вслух сказал:

— Ты посмотри, какое количество красивых и интересных женщин ходит вокруг! Что тебе до нее? Пусть она другим голову морочит.

— Да, но мне других не надо! Я, между прочим, не изменял ей все эти три года.

— А ей-то нужна твоя верность? Небезынтересно было бы также узнать меру ее целомудрия.

— Ну, знаешь! Да! Мне не нужны другие. Она мне интересна. Она волевая, сильная, — при этих словах глаза Петра Евгеньевича устремились вверх и вдаль, а плечи неожиданно распра-

вились. — Такие ставят тебе высокую планку, — в голосе его зазвучала патетика. — Кому-то, может быть, комфортно со слабыми женщинами, — продолжал он, — но мне нужна она. Такая независимая. Готовая к борьбе. Она не дает тебе расслабляться.

— Это уж точно.

Некоторое время они шли молча.

— Я, между прочим, все же заставил ее сказать, кто это ей названивает без конца. И откуда он взялся, — при этих словах Петр Евгеньевич снова взял паузу.

— И что же?

— Говорит, старый знакомый. Был без ума от нее в институте. Недавно случайно встретились. Но между ними ничего нет.

— Муж у нее, судя по всему, отличается завидным терпением.

— Она совершенно независима от него.

- Да?
- Они уже не живут давно. Ты понимаешь, в каком смысле.
- Само собой разумеется, — с улыбкой на устах поддакнул Никита Сергеевич.
- Я, между прочим, ей предлагал пожить вместе.
- А она?
- Хотела, чтобы я для начала купил квартиру.
- Да? Но у тебя же есть квартира.
- Она ей не подходит. Говорит, тесновато будет втроем. Она считает, что квартира должна быть где-нибудь на Остоженке, элитного плана.
- Квартиру, естественно, в совместную собственность?
- Об этом не говорили.
- Зачем же говорить об очевидных вещах.
- По-моему, она просто использует меня. Как ты думаешь? Интересно

узнать, тот, кто ей названивает, он что для нее сделал?

— Возможно, ничего. Скорее всего, ему этого и не требуется. Помнишь, пять лет назад, твоя Евгения тоже многого от тебя хотела. Правда, новая квартира представлялась ей все же более скромной. Сейчас она, как ни в чем не бывало, проживает с каким-то парнем в любви и согласии в своей же старой квартире.

— Боже, почему я должен так страдать? Почему это со мной происходит?

— Наверное, это происходит оттого, что ты сам этого хочешь.

— Хочу страдать?

— В том числе.

— Что ты имеешь в виду?

— На правах старого друга, если желаешь, могу еще раз изложить свою точку зрения.

— Изволь.

— Видишь ли, прежде всего, в данном контексте ни с кем ничего не происходит. Каждый сам делает свой собственный выбор. Тебе ведь никто эту Наталию не навязывал. Ты ее выбрал сам из десятков других, ничем казалось бы не менее симпатичных со стороны стороннего наблюдателя, гражданок. Таким образом, это твой выбор.

— Она особенная, — упрямо произнес Петр Евгеньевич.

— Конечно, — согласился Никита Сергеевич. — А до этого были не менее особенные Жени, Оли и Нины.

Недовольное молчание Петра Евгеньевича Никита Сергеевич воспринял как приглашение к продолжению экскурсии.

— Это, на самом деле, не должно расстраивать. Большинству людей не свойственно особенно меняться с

годами. Однажды взятый стереотип поведения повторяется. В этой связи обычный человек, коими мы с тобой являемся, имеет склонность наступать на одни и те же грабли. Применимо к твоей ситуации, эпизод с Наталией зеркально повторяет истории, имевшие место некоторое время назад с Евгенией, Ольгой и Ниной. Все то же самое. Мучительно долгий период генезиса взаимоотношений, составляющий три-четыре года. Масштаб страдания. Объект, если позволишь так выразиться, страдания, тот же. Волевая, своенравная, требовательная женщина-вамп. По крайней мере, в твоих глазах. И завершение— твое фиаско, сдобренное изрядной депрессией. Твоей, конечно же. Все твое.

— Согласись, — Никита Сергеевич, придя в оживление от своих, как ему казалось, удачных мыслей, театраль-

но развел руками и продолжил: — Это надо любить, или хотя бы к этому надо неосознанно стремиться.

— Но я не хочу страдать!

— Только страдаешь раз за разом по собственной воле.

— Что же, по-твоему я душевный мазохист?

— Определенно. К тому же надо ведь тебе находить какое-то оправдание своим депрессиям. Бывало, в веселой компании сидишь ты в абсолютной прострации. Окружающие, не понимающие природу твоих частых депрессий, удивляются. С вопросами к тебе. Что случилось, Петр Евгеньевич? Почему на Вас прямо-таки лица нет? Ну что им объяснишь? А тут все понятно. Душевные страдания по прекрасной даме. Окружающим все ясно, да и самому спокойнее. Если же тебе это объяснение не по душе, можно по-

искать какую-нибудь более изощренную причину. Скажем, тебе уже сорок пять. Все вокруг давно женаты. Конечно, не без исключений, но обычно у старого холостяка развивается некий комплекс. Он основывается на стремлении индивидуума к общности с другими. Человек — существо бинарное — раздираем двумя разнонаправленными векторами, хочет исключительности и одновременно хочет быть как все. Холостяку как все быть не удается, так как все женаты. А он нет. Но и жениться страшно. Особенно если думать, что это на всю жизнь. Разные вопросы лезут в голову холостяка, собирающегося жениться: «А вдруг она не будет следить за домом, а я полагаю, что это женская обязанность? А что я буду делать, если она будет приходить за полночь? Если она будет мне изменять? А вдруг она сама будет меня ограни-

чивать? Что же, мне после брака не уделять внимания другим женщинам? Должен ли я буду зарабатывать больше, чем она? А если не получится?» И многие прочие вопросы, сопутствующие ограничениям, налагаемым традиционным браком.

Петру Евгеньевичу хотелось что-то ли возразить, то ли добавить какие-то детали своей истории, которые, как ему казалось, могли прояснить всю безысходность его положения. Но Никита Сергеевич, увлеченный некогда столь любимым им предметом и уже не обращая никакого внимания на Петра Евгеньевича, продолжал свои психоаналитические изыскания:

— Может также оказывать подавляющее воздействие стереотип родительских отношений, если они были прочными, как у твоих, например. Точнее, страх недостижимости такой же гар-

маничной, скорее всего с виду, семьи твоих родителей. Таким образом, подсознательно ты не хочешь жениться в результате вышеназванных страхов. В то же время, с точки зрения преодоления комплекса холостяка, жениться нужно. Это желание, в отличие от предыдущих страхов, вполне осознанно. В связи с этими разнонаправленными векторами желаний ты подсознательно раз за разом выбираешь такой объект, который изначально вряд ли приемлем для женитьбы. Волевою, сильную, с карьерными амбициями. Которая ставит тебе, как ты выразился, высокую планку. Не дающую расслабиться. Но потом тебя начинают терзать справедливые сомнения: а возьмешь ли ты эту самую планку? А сможешь ли не расслабляться? Да и нужно ли это для семейной жизни? И вот ты уже сам не против перевести отношения из любовных в

разряд дружеских. А как только это произошло, думаешь: «Но ведь я же хотел жениться!»

В конце концов, ты остаешься честен перед самим собой. Ведь ты искал возможности жениться, быть как все. Но после долгих раздумий в очередной раз решаешь, что эта ноша тебе не по плечу. По прошествии времени все повторяется вновь.

— Что же мне делать?

— Никаких жертв, ни материальных, ни душевных. А если вдруг действительно все же захочешь жениться, не задумывайся, что это навсегда. Как получится.

— Да, думаю, с моей Наталией у тебя бы вряд ли что-нибудь получилось, — с легким чувством собственного превосходства промолвил Петр Евгеньевич, туманно намекая на какие-то свои прошлые победы в этой

области. — Ты бы с ней так не поговорил.

— Мне с ней и не надо ни о чем разговаривать.

— Да нет, просто не со всеми проходят вот такие подходы.

— И слава богу. Жизнь интересна своим многообразием. Кто-то ищет родственную душу, а кому-то приведи кобылицу, которую нужно объездить. Главное знать, что твое.

— А мне все же интересно, что он сделал такого, чего не делал я, что она теперь без ума от него? Боже мой, почему она так себя ведет со мной? Почему я должен так страдать?

Никита Сергеевич посмотрел на часы. С начала их прогулки прошел ровно час. Минутная стрелка, готовая начать отсчет нового часа, встала на ту же позицию, что и в начале их беседы. Несмотря на любовь к свежему возду-

ху, они по-разному смотрели на положение вещей и потому никогда не могли прийти к одному знаменателю. Никита Сергеевич зевнул и промолвил:

— Однако, поздно уже. Пора готовиться ко сну.

Январь 2005

Партизаны

Конец ноября. Четыре часа вечера. Владимир Ильич Никиткин сидел на работе за своим маленьким столиком и смотрел в окно. За окном он видел дождь с мокрым снегом. Уродливые своим архитектурным однообразием блочные дома, столь характерные для спальных районов большого города. Тяжелые сумерки в очередной раз быстро поглощали короткий день поздней московской осени.

«Еще час, и полностью стемнеет, — думал он. — Неужели это все?» Теперь взгляд его рассеяно скользил по ветхому подоконнику маленького окна, урод-

ливым столам его коллег по работе, по стенам, обклеенным отвратительными обоями грязного цвета. Сослуживцы давно уже напоминали ему старые вещи, непонятно зачем извлеченные кем-то на свет из бабушкиного пыльного сундука и оттого еще пахнувшие нафталином. Трудно было поверить, что эти людишки, а именно так мысленно называл Никиткин сослуживцев, неустанно пытаются оттеснить друг друга в изнурительной борьбе за вакантное место Заместителя Начальника отдела. Методы борьбы были различны. Грубая и тонкая лесть руководству, демонстрация усидчивости, прилежания и лояльности начальству во всех мыслимых и немыслимых формах. И, наконец, просто добросовестная работа. Все это не особенно нравилось Владимиру Ильичу. Он мечтал о чем-нибудь масштабном. А между тем, сам начальник отдела ездил всего лишь на ма-

леньком фордике пятилетней давности, который, судя по всему, и был пределом мечтаний многих его коллег. От Владимира Ильича окружающие ожидали такого же рвения.

«Мышиная возня, — думал он. — И я просижу здесь всю жизнь? Как, впрочем, и многие мои сограждане. Но какое мне дело до моих сограждан?» — мысленно беседовал сам с собой Владимир Ильич, глядя в окно.

— Пусть себе делают, что хотят. Сидят, где хотят, хоть всю свою дурацкую жизнь. Но не я! Четыре года! С девяти до восьми, чтобы свести концы с концами. Боже мой! Четыре года в этой вонючей дыре! Для этого я учился?

Он вдруг отчетливо вспомнил картинку из прочитанной в детстве книги Драйзера «Финансист». С картинки уверенным взглядом смотрел молодой человек в смокинге, обнимающий моло-

дую даму в открытом платье. Потом он еще раз посмотрел вокруг. Все вокруг напряженно работали, каждый за своим столом.

«Им только нарукавников не хватает», — мрачно подумал Никиткин.

Его блуждающий взгляд упал на книгу, лежащую на углу стола. «Творчество и бухгалтерия», — гласил перевод иностранного названия. Преодолевая отвращение, Владимир Ильич пытался расширять свои профессиональные знания.

«А мое ли это? — думал Никиткин. — Если нет, то что тогда мое?»

На этот вопрос у него не было ясного ответа.

«Тогда, может быть, я просто ленив?»

Он вернулся в мыслях к увлекательным историям, связанных с управлением в области бухгалтерии, о которых

читал в институте. Неприятная мысль посетила его: «Тот уровень карьерной лестницы, с которого начинается интерес, может запросто оказаться для него недостижимым. Он никогда не станет большим начальником. Он, Никиткин, так и останется сидеть здесь, в этой комнате. Играя жалкую роль, до конца своих дней будет выполнять дурацкие поручения других, более чем заурядных людей. Как, например, Федоров...»

Никиткин посмотрел на сутулого человека лет сорока: «Даже ссутулился от постоянного прогиба перед руководством. И все без толку».

Владимир Ильич встал и отправился курить. Проходя мимо зеркала, он с тревогой посмотрел на свое отражение. Показалось, что он тоже начинает сутулиться, как Федоров.

Поглощенный своими отвлеченными от прямых производственных обя-

занностей мыслями, он не заметил, как оказался около комнаты Заместителя Начальника отдела. Услышанное, а, точнее сказать, подслушанное произвело на него крайне неприятное впечатление.

— Никиткина работа? — Заместитель Начальника отдела обращался на повышенных тонах к старшему специалисту.

— А кого же еще. Другого такого у нас нет.

— Зови его сюда! Пусть сам отвечает за свои художества.

— Его нет.

— Где же он, черт его дери?

— Он на обеде.

— Обеденное время давно закончилось! Хотя его никогда нет на рабочем месте! Если не на обеде, так курит, как всегда, или вышел. В общем, передашь ему все сам.

Никиткину хотелось закричать, что он здесь, а ни на каком ни на обеде. Устранить эту вопиющую несправедливость. Но войти вот так, без специального вызова, в комнату Заместителя Начальника отдела было страшно. Было особенно страшно то, что он в очередной раз сделал ошибку. Можно было бы вернуться на рабочее место и попытаться создать иллюзию пусть нерадивого, но хотя бы усердного сотрудника. Но это было бы малодушием, и он продолжил свой путь в курительную комнату.

Нервно куря, Никиткин думал о главном специалисте: «Ну и гад же ты, Петров. Ну и гад! Ведь мы с тобой разговаривали после обеда. Зачем же, спрашивается, так врать тогда!»

Особенно в Петрове раздражало то, что он был младше Никиткина на один год. Тем не менее, Петров уже был произведен в старшие специалисты. Никит-

кин же все еще оставался просто специалистом. Это было обидно не лишнему честолюбию Владимиру Ильичу.

Мысленно проговорив набор ругательств в адрес Петрова, Никиткин отправился на рабочее место. Петров сидел, как ни в чем не бывало. Однако он заметил Никиткина и, выждав какое-то время, сказал:

— Володь, ты тут напортачил опять. Переделай, — сказал Петров настолько громко, насколько это было необходимо, чтобы слышали все сидящие в комнате. Было понятно, что он, Петров, приближен к руководству. Руководство Петрову доверяет. Одновременно было понятно, что Никиткин — плохой работник. Настолько плохой, что руководство даже не разговаривает с ним напрямую. А поручает это доверенным людям.

Для того, чтобы разобраться в своей очередной ошибке, Никиткину надо

было встать и в который раз подойти к Петрову. В глазах у Петрова читалось порицание. Порицание читалось и во взгляде других сотрудников, внимательно наблюдавших за происходящим. Все это было унижительной и часто случающейся с Владимиром Ильичом процедурой. Никиткин ненавидел Петрова.

Но вот, наконец, утомительный рабочий день был позади. Владимир Ильич вышел на улицу и с удивлением заметил, что дневная непогода более не довлела над городом. Небо расчистилось от облаков, и огромное абсолютно круглое ночное светило уже повисло на краю небосвода.

Невозмутимый троллейбус доставил Никиткина до унылого блочного дома, располагавшегося на улице Авиаторов, где он второй год снимал однокомнатную квартиру. Дома его уже ждала Мар-

та, милая девушка, ничего от него не требующая, но ничего и не обещающая.

— Как дела, Вова? — не особенно интересуясь ответом, спросила Марта.

— Как обычно. Мышиная возня и тараканьи бега.

После нехитрого ужина Владимир Ильич включил было музыкальный центр, который был его единственной дорогостоящей принадлежностью и которым он гордился и дорожил. Но музыка не шла. В голове без конца повторялись фразы его разговора с Петровым и разговора Петрова с Замначальника отдела. Владимиру Ильичу все время казалось, что он что-то не досказал. Что он был чрезмерно мягок. Что нужно было войти в кабинет к Заместителю Начальника отдела, прервать вранье ничтожного Петрова, стукнуть кулаком в конце концов. Сказать, что он сам может делать работу Петрова ничем

не хуже, а даже лучше его. Вот только поручите! Впрочем, в разговорах с Заместителем Начальника отдела он уже высказывался несколько раз в подобном ключе. На что Никиткину было резонно указано, что ему неплохо было бы для начала делать как следует свою работу. А уж потом начинать разговоры о продвижении по службе.

От этих мыслей голова Владимира Ильича налилась свинцовой тяжестью. Он встал и начал нервно ходить по комнате. Потом зашел на кухню. Там сидела Марта и как всегда что-то печатала на компьютере. Она вообще предпочитала работать ночью. Вид мирно печатающей девушки немного успокоил его, и Владимир Ильич собрался ко сну.

К этому времени полная луна уже поднялась по небосводу, и ее холодный свет свободно вливался в комнату, принося ощущение спокойствия и таинственно-

сти. Постепенно дневные неприятности остались позади, и Владимир Ильич, поглощенный созерцанием природного явления, не заметил, как глаза его закрылись и он плавно погрузился в царство Морфея.

Он проспал не более десяти минут и был разбужен странным шумом, доносившимся с улицы. Владимир Ильич встал и выглянул в окно. В удивлении протер глаза. Нет, зрение не подвело его. По улице Авиаторов быстрой рысью шел конный отряд. Лица всадников были суровы и сосредоточенны. Все были одеты в кожаные куртки. У всех винтовки перекинуты через плечо. Лошади темной масти были как на подбор необыкновенной красоты и силы. Лишь их предводитель скакал немного впереди отряда на лошади белой масти. Лунный свет играл на стальных поверхностях их сабель, винтовок и шпор.

— Партизаны! — решил Владимир Ильич.

Они проехали по улице Авиаторов в полном молчании и скрылись из виду. Это было не похоже ни на что, виденное им когда-либо ранее. Зрелище было настолько завораживающим, что Владимир Ильич какое-то время оставался стоять у окна. Потом он, ни слова не говоря, тихо лег на спину и натянул одеяло до подбородка. Он в мечтательной задумчивости смотрел на потолок, а на устах его играла таинственная улыбка. Он продолжал улыбаться во сне, когда, закончив свою работу, в комнату под утро вошла Марта.

Малоприятный звук будильника означал начало нового трудового дня. Владимир Ильич торопливо выполнил нехитрые процедуры утреннего туалета. Потом всё как обычно. На улице слякоть поздней осени. Неубранные улицы. Троллейбусная остановка, в течение по-

следней ночи ставшая объектом разнузданного вандализма группы сограждан Владимира Ильича. В троллейбусе было много народа. Тут, как и на работе, люди неустанно боролись за место под солнцем. Толкотня стояла невообразимая.

На работе все было по-прежнему, но Владимир Ильич весь день находился в приподнятом настроении. Он был нечувствителен к проявлениям окружающей среды. Раньше он был как губка, впитывающая в себя все, вокруг происходящее, — и это приносило ему страдания. Теперь же он был как стекло — капли внешней влаги соскальзывали с него, не проникая вовнутрь, не причиняя страданий. Происходило это оттого, что он знал нечто такое, чего не знали другие. Это нечто было объемным, значимым. Оно распирало его изнутри, рвалось наружу. Но он, каким-то внутренним чутьем твердо знавший, что никому

нельзя рассказывать самые сокровенные вещи, хранил молчание. Он ничего не сказал даже своей подруге Марте. Тем более было бы странным делиться этим с коллегами по работе. Лишь во взгляде его появилось легкое пренебрежение к происходящему вокруг, а на устах играла все та же загадочная улыбка. Происходящее вокруг было мелко и незначительно и не шло ни в какое сравнение с важностью его ночного открытия.

Этот и несколько последующих дней он оставался совершенно безразличным к обычной суете, царившей вокруг. Станным образом его мнение о коллегах улучшилось. Он начал подозревать, что и они не так уж плохо к нему относятся. Теперь ему представлялось, что они относятся к нему так же, как и к другим.

«Что же это я?» — думал он, сидя на своем рабочем месте и глядя, как обычно, в окно. Они обычные люди. Борют-

ся за дополнительную порцию хлеба, сыра, колбасы. И я, в сущности, такой же.

Петров продолжал поучать Владимира Ильича, но это его теперь не очень беспокоило.

Однако время со свойственной ему неумолимостью шло вперед. И постепенно ночное видение поблекло, а затем и вовсе ушло из сознания Никиткина. Так же постепенно освободившаяся пустота заполнилась суетой. И снова он оказался вовлеченным в свои переживания. Постепенно коллеги на работе снова стали казаться ему мелкими, никчемными людишками. Они без конца допекали его какими-то претензиями. Он снова начал различать, что о нем говорят другие. Как-то, куря на лестнице, он услышал прерываемые другими голосами обрывки разговора Горской и Никифоровой, его сотрудниц:

— А-а-а, Никиткин! Это тот, который без конца отлучается на перекур, а когда бывает на рабочем месте, то все время смотрит в окно?

— Он-он. Слушай. Он такое недавно учудил. Перепутал внутреннюю корреспонденцию с внешней и отправил... — конца предложения Никиткин не разобрал.

— Не может быть! — при этих словах раздался хохот обеих девушек.

Никиткин, в мгновение ока ставший цвета спелого помидора, затушил сигарету и отправился на рабочее место, где уже поджидал недовольный его работой Петров.

— Володь, ну опять ты? Посмотри! — как всегда громко, так, чтобы было слышно другим, говорил Петров, глядя на подготовленные Никиткиным нехитрые документы, лежавшие у него перед глазами. Чтобы понять, в чем ошибка, Никиткину

надо было подойти к столу ненавистного Петрова. Пока он проделывал этот путь, в голове его роились мысли, достаточно далекие от непосредственной работы: «Можно не орать так своим писклявым голосом на всю комнату? Ошибся я, пусть, но зачем же так орать? Чтобы все слышали? Тебе-то что от этого? К чему эта мелочность?»

Но Петров был неумолим в своей правоте. Он гнусавил и гнусавил. О том, что из-за разгильдяйства Никиткина страдают другие сотрудники, падает престиж фирмы. В конце его нудной речи у Владимира Ильича действительно возникло ощущение некой вины.

Так закончился очередной рабочий день. Владимир Ильич в который раз проделал знакомый путь домой. Незатейливый ужин. Работающая у компьютера девушка Марта. Гудящая от однообразных мыслей голова.

Он собрался ко сну. В это время небо очистилось от туч, и полная луна царственно залила своим прохладным светом комнату Владимира Ильича. Ощущение чего-то значимого, которое вот-вот должно произойти, было последним, о чем он подумал, перед тем как заснуть. Спал он совсем недолго. Сквозь сон слышался нарастающий гул от топота конских копыт.

«Едут! Партизаны!» — пронеслось в еще не проснувшемся сознании Владимира Ильича. Он открыл глаза. Пространство его комнаты стремительно расширялось. Потом та стена, где было окно, сначала, подобно некой двери, открылась наружу, а затем и вовсе исчезла. Вместе с ней растворились части соприкасающихся стен. Владимир Ильич на своей кровати вдруг очутился наполовину в комнате, наполовину на улице. В лунном сиянии он видел наступающий

прямо на него партизанский отряд. Теперь они надвигались с другой стороны улицы.

— Наверное, они выполнили боевое задание и теперь возвращаются назад! — догадался Владимир Ильич. Конники шли стройным маршем. На их суровых мужественных лицах застыла усталость. У командира была перевязана голова. Когда они поравнялись с кроватью, на которой, натянув одеяло до подбородка, лежал Владимир Ильич, командир отряда посмотрел на него взглядом человека, привыкшего отдавать приказы, и тяжелым басом сказал:

— Не к лицу Вам, товарищ Никиткин, отлеживаться на кровати, когда вокруг идет борьба. Не к лицу. Ну да ничего, Ваше время придет, — на устах его при последней фразе заиграла легкая улыбка человека, уверенного в своем знании. В следующее мгновение перед

лицом Владимира Ильича пронеслись конские копыта, звякающие шпоры, пашки, положенные в ножны. Отряд, сотрясая все вокруг, проследовал мимо.

Почувствовав невероятную усталость, Владимир Ильич, ни мало не заботясь о том, что находится на улице, безмятежно заснул.

Неприятный звонок будильника оповестил о начале очередного буднего дня. Владимир Ильич открыл глаза, чтобы убедиться, что комната его приняла привычные очертания. Он брился. Из зеркала на него смотрел человек, на устах которого вновь играла улыбка. Теперь он знал о ее происхождении.

«Такая же, как у их командира, только более робкая», — думал Владимир Ильич.

В остальном все было как месяц назад, когда Владимир Ильич первый раз увидел из окна отряд партизан. Вновь

он был невосприимчив к суете. Казалось, все было как обычно. Тот же ссутулившийся за годы долгих прогибов Федоров. Те же вредные Горские и Никифоровы. Тот же гнусавый Петров. Но эмоционально Владимир Ильич был для них недосыгаем. Он твердо помнил, как командир отряда сказал, что время его придет. Более того, он чувствовал, что оно придет скоро. Он вспоминал каждого из партизан. Какие это были лица! Решительные, мужественные. Не те мелкие люди, что окружали его на работе. Каждый из этих простых бойцов был неизмеримо значимее даже Заместителя Начальника отдела. Что уж говорить про Петрова и прочих.

Когда снова пришло полнолуние, Владимир Ильич уже был готов к встрече. Он ждал ее. И все же, к своему великому сожалению, он, видимо чрезмерно утомленный мыслями о мы-

шиной возне на работе, снова заснул в прохладных лучах полной луны. Но партизаны не подвели его. Когда он открыл глаза, разбуженный топотом копыт, стены комнаты уже исчезли. Осталась лишь одна, к которой примыкало изголовье его кровати. Партизаны были совсем рядом. Теперь эти суровые люди смотрели на него более приветливо. А их командир снова улыбнулся ему. Он поднял руку, и конница, которая прежде казалась неударжимой, замерла.

— Ну что же ты, готов? — спросил командир тяжелым басом.

— Я не знаю, — ответил Владимир Ильич.

— Но за тебя этого никто не решит.

— А куда вы едете? — малодушно оттягивая решение, спросил Владимир Ильич.

— Зачем ты спрашиваешь о том, что тебе и без того известно. Но раз уж ты спросил, я отвечу: мы идем на тот берег.

И ты знаешь, что ты можешь пойти с нами. Но для этого ты должен принять самостоятельное решение. Наберись мужества: открой дверь.

— Но где она? Я не вижу.

— Ты и не можешь ее увидеть, лежа на кровати. В особенности трудно увидеть эту дверь, когда голова забита мыслями о тараканьих бегах и мышинной возне. Однако нам пора, — и командир поднял руку, подавая сигнал отряду.

Владимир Ильич преодолел свою нерешительность. Отбросил одеяло. Встал с кровати и с удивлением заметил, что он одет в блестящую кожанку и галифе, заправленные в надраенные до блеска сапоги. Что-то тяжело давило на правый бок. Это был маузер! Но он не мог сделать ни шагу вперед. Что-то продолжало отделять его от партизан. Он уже был такой же как они, но все еще не мог к ним приблизиться.

— Дверь, — он говорил, — я должен открыть дверь! Но где она?

Тогда, вспомнив слова командира, Владимир Ильич интенсивно затряс головой. Он увидел, как из его бедной головы вылетают разные роившееся до той поры мысли. Вот вылетел ссутулившийся Федоров, вот вредные Горская с Никифоровой, вот какие-то люди из троллейбуса. Но все же этого было недостаточно. Он посмотрел на командира отряда. Тот, казалось, застыл с поднятой рукой. Они ждали его. Да! Теперь он знал что делать. Силой вырвав у проходящего мимо дворника метлу, он вошел в свою голову и вымел все лишнее, что там было. Наконец-то полетел в небытие гнусавый Петров и Заместитель Начальника отдела. Последним он вымел себя самого. Тотчас Владимир Ильич ощутил небывалую легкость. Его больше ничего не удерживало.

В этот самый миг он явственно различил дверь, которая, как оказалось, все это время находилась прямо перед ним. Терять было больше нечего. Нечего бояться. Он решительно повернул ручку двери. Она бесшумно отворилась. Ночное небо встретило его серебряным пламенем. На мгновение Никиткин застыл на месте, созерцая невиданное природное явление.

«Хороший знак», — подумал Владимир Ильич. Более не медля, он вскочил на сильного коня темной масти. Командир отряда, улыбнувшись, опустил руку. Конница пошла мелкой рысью.

На следующий день на работе было все как обычно. Часам к одиннадцати Заместитель Начальника отдела, потеряв всякое терпение от художеств Никиткина, по селектору попросил его зайти к себе в кабинет. Никиткина на месте не оказалось. Тогда Заместитель

Начальника отдела попросил зайти Петрова. Тот явился сразу.

— Послушай, а где Никиткин? Курит?

— Да, нет. Я и сам удивляюсь, но его нет с самого утра.

— Ты ведь знаешь, что у него остались важные документы. Оригиналы, между прочим. Если он заболел, так надо бы послать к нему за ними.

— Я уже звонил ему, — как-то растерянно ответил предупредительный сотрудник Петров и неопределенно замолчал.

— Так что же? — в нетерпении спросил начальник.

— Да чепуха какая-то. Он живет с девушкой Мартой. Так вот, она, плача в трубку телефона, говорит, что он исчез.

— В каком смысле исчез?

— Вечером пришел домой. Лег спать. Она печатала на компьютере. Когда она пришла ложиться спать, его там не было. Утверждает, что в дверь выйти он

не мог. Она бы услышала. Да и вещи его все на месте. Мистика какая-то.

Заместитель Начальника слушал Петрова и думал: «Никому нельзя доверять. Петров, казалось бы, — моя опора. И что? Несет какую-то чушь. Лишь бы ответственность с себя снять».

Потом, побагровев, взревел:

— Петров, чтобы к вечеру оригиналы документов были у меня на столе!

Сестры

Сестры Александра и Елизавета всегда были дружны. Помимо их духовной близости тому было много причин. Были они почти одного возраста: Саша всего на два года старше Лизы. В молодости они сами пробивали себе дорогу, помогая друг другу чем могли. Характеры у них, правда, были разные. Александра была человеком практичным и волевым. Она была целеустремленной натурой, и ей были чужды самокопания. Елизавета, напротив, всегда отличалась склонностью к рефлексиям, была задумчива и нерешительна. Обе они выучились на учителей. Почти одновременно

вышли замуж. Обе были счастливы в браке и почти в одно и то же время родили по девочке. Саша назвала свою дочь Аней, а Лиза — Леной. С возрастом девочки тоже подружились. К несчастью, муж Лизы погиб в первые годы войны. С тех пор Александра всегда оказывала сестре посильную помощь.

В те далекие послевоенные годы жизнь отнюдь не была легкой, и многие не ели досыта. Так было и в небольшой семье Елизаветы, так и не вышедшей больше замуж.

Муж Саши, Аполлон Иванович, к тому времени стал большим научным работником. Ему, в числе прочих привилегий, полагались продовольственное спецобеспечение и государственная дача в Подмосковье. Каждое лето, желая помочь сестре, Александра приглашала маленькую Лену пожить у них на даче. А в конце недели к ним часто при-

езжала и Елизавета. Так случилось и в один из светлых июньских вечеров.

Сестры уже несколько часов кряду о чем-то беседовали на веранде. Они обсудили уже многие темы, но никак не могли наговориться.

— Вот ты говоришь, ты учительница, Шура, — говорила Елизавета. — А можешь ли ты сказать, что понимаешь детей?

— В каком это смысле? — удивленно воззрилась на сестру Александра.

— Ну, видишь ли, я хочу спросить, понимаешь ли ты, что творится в душе у каждого ребенка? Вопрос мой не совсем праздный. Я скажу сначала о себе. Я вот, например, недавно пришла к выводу, что довольно мало понимаю из того, что творится в детских душах. А раз так, могу ли я преподавать? Нет, преподавать-то я, конечно, могу. Но будет ли из этого толк? Ведь препода-

вание происходит через воздействие на душу ребенка. Именно тогда оно достигает своей цели. Если же не понимать эту душу, то зачастую можно добиться прямо противоположного результата.

— По-моему, ты все усложняешь, как обычно. Ну конечно, я понимаю детские души. Как, впрочем, и ты. Ведь мы же учительницы. И почему тебе пришла такая мысль в голову?

— Не знаю, я смотрю на свою Ленку. Она совсем еще ребенок. А мне кажется, я совсем не знаю, что творится в ее душе! — задумчиво говорила Лиза.

— Ну-ну. Все ты знаешь. И я знаю. И про мою Аню, и про твою Лену. Знаю, что они любят, что не любят, чего хотят, чего не хотят. Знаю, когда они лукавят. Знаю, например, что моя Аня влюблена в соседского Петьку, — без тени сомнения пояснила Александра.

— Аня тебе сама об этом сказала? — с удивлением осведомилась Елизавета.

— Ну что ты? Скажет она сама об этом! Но я-то вижу! Это только им кажется, что мы про них ничего не знаем.

Тут Александра чуть подмигнула сестре:

— Но мы-то с нашим житейским опытом видим их насквозь! Вот так.

— А! Вот кто у нас в гостях! — на веранду вошел розовощекий Аполлон Иванович. — Давненько мы Вас, Елизавета, не видели. Ну вот и славно. Сейчас быстро на речку. И ужинать.

— Папа, папа! — десятилетняя Аня с разбегу бросилась в объятия к отцу. — Идем? — и она заглянула ему в глаза.

— Конечно! Зови Ленку.

— Пойдем купаться! — прокричала в радостном возбуждении Аня, вбежав в дальнюю комнату Лены.

Лена в этот момент спокойно читала книгу, и ей совсем не хотелось купаться. Купание в прохладной воде Москвы-реки всегда было для нее испытанием. Но ей трудно было отклонить предложение двоюродной сестры. На то было множество причин.

Лена была в гостях у своей сестры на даче, и ей почему-то представлялось неудобным отказывать предложениям хозяев. К тому же приглашение исходило не только от Ани, но и от ее отца, почтенного Аполлона Ивановича, к которому маленькая Лена испытывала чувство легкого благоговения. И было отчего.

Аполлон Иванович был человеком значительным и тучным. Справедливости ради следует отметить, что он большую часть времени проводил на работе, важность которой всем была очевидна. Но и в его отсутствие сильный дух Аполлона Ивановича продолжал витать

по комнатам благородного семейства. Когда же он появлялся дома, все его указания, которые, впрочем, по форме всегда являлись просьбами, молниеносно исполнялись многочисленными домочадцами. Стоило ему, сидя за обеденным столом, немного приподнять руку, как тут же воцарялась тишина. Как будто все только и жаждало узнать, что же захочет сообщить Аполлон Иванович на этот раз. Произнести ли тост, спросить ли добавочную порцию крепкого бульона или сообщить, как обстояли сегодня дела в институте исследований деятельности головного мозга. Правда точки зрения Аполлона Ивановича, конечно же, никогда не подвергалась ни малейшему сомнению. То, что он говорил, было истиной. То, что он любил, было хорошо. А что не любил, было плохо.

К несчастью Лены, Аполлон Иванович любил купаться в прохладных водах Москвы-реки. И не любил, когда ему перечили. Во время купания он издавал фыркающие звуки, прислушавшись к которым можно было разобрать нечто близкое к «Ах, хорошо! Ух, бодрит!» и прочее. По всей видимости, его дочь Аня испытывала схожее с ним чувство непреходящей радости от погружения в прохладную воду.

Лена ненавидела купание, особенно в вечернее время. Радость от погружения в воду она могла испытать лишь в очень жаркий летний день, когда изможденное полуденным зноем тело просит прохлады, когда вода, отражаясь от безоблачного неба, становится приветливого ярко-голубого цвета, когда она столь прозрачна, что можно увидеть дно и различить ма-

леньких рыбок, разбегающихся в разные стороны, стоит лишь ступить в воду.

Вечером же, когда Аполлон Иванович приезжал после работы, чтобы смыть с себя московскую летнюю пыль, заходящее солнце уже не могло придать воде легкую голубизну полуденного неба. Напротив, вода была темной. И темнота эта пугала маленькую Лену. Ей всегда было тревожно входить в такую воду. Вода становилась неприятно вязкой. Что-то угрожающее таилось там внутри.

«А вдруг там, в глубине, кто-нибудь есть! Вдруг этот кто-то или что-то схватит меня за ногу и утянет в эту вязкую глубину?» — каждый раз долго думала Лена перед тем, как погрузиться в холодную воду.

Кроме того, вечером Лене уже не было жарко, но зачастую даже про-

хладно. Оттого купание было сродни мученью. Однако по описанным выше причинам открыто признаться в этом она не могла. И ей оставалось под разными надуманными предлогами лишь трусливо увильнуть от вечернего купания. Получалось это у нее плохо. Вот и сейчас она сделала робкую попытку увильнуть и сказала:

— У меня, кажется, простуда, — и для пущей убедительности добавила:

— Голова болит.

Реакция Аполлона Ивановича была незамедлительной, и не оставляла никаких надежд.

— Покажи-ка, детка, горло. Скажи: «Ааааа...» Так, все в полном порядке! — быстро резюмировал Аполлон Иванович. — Никакой простуды. А голова болит оттого, что много в помещении сидите. А надо на улице побольше находиться. Идем, идем.

С этими словами он, более не медля, решительно ступил с крыльца.

Вопрос был решен. Лена, обуреваемая неприятными мыслями о предстоящем купании, сбросила домашний халатик и на всякий случай надела кофту потеплее.

Аполлон Иванович шел уверенной походкой человека, любящего жизнь. Девочки еле успевали за ним. До реки было минут двадцать ходу.

Вдруг Лена отчетливо вспомнила, что она второпях не повесила халатик на вешалку, а просто бросила его на пол. И теперь тетя Шура, которая отличалась страстью к чистоте и порядку, уже наверняка обнаружила сей прискорбный проступок! Но не это было самым страшным. Весь ужас заключался в том, что Лена, сидя за столом, любила набивать карманы шоколадными конфетами, а потом прятать

их в потаенном месте как свое сокровище. Отчего это происходило, сказать было трудно. То ли военные годы давали о себе знать, то ли ей просто нравились яркие этикетки. Так или иначе, несмотря на строжайшие запреты матери, Лена это делала с завидным постоянством. В особенности она этим увлекалась в гостях у тети Шуры на даче, где матери обычно не было рядом. Тетя Шура ее особенно не ругала, смотря на это как на детскую забаву. Но сегодня мама тоже была на даче. А тетя Шура в своей страсти к порядку может в этот момент уже поднимать оброненный на пол халатик, из карманов которого предательски высыпаются на пол конфеты.

Лена заметно покраснела, хотя на улице было отнюдь не жарко.

— Я сейчас, — она уже бежала назад к даче.

— Куда ты? — спросила удивленная Аня.

— Идите, я вас догоню, — крикнула Лена.

Она была молодец. Со словами: «Ну что Вы, тетя Шура, я сама», — она вбежала в комнату в тот самый момент, когда тетя Шура уже склонилась над ее несчастным халатиком.

Она успела поднять его с полу первой. Потом выбежала во двор и в два счета догнала Аполлона Ивановича и Аню у самой реки. Разгоряченная, она без промедления бросилась в воду первой.

Лена запомнила этот случай на всю жизнь. Ведь это был единственный раз, когда вечернее купанье далось ей без всяких мучений.

В то самое время, когда Лена совершала свой памятный заплыв, ее тетя Александра, сидя на веранде, говорила своей сестре:

— Смотри, какая твоя Ленка аккуратная стала. Еще месяц назад такая неряха была! А сейчас с полдороги на речку вернулась назад! Только для того, чтобы халатик прибрать на место. А ты говоришь, мы не понимаем детей.

Март 2005

Содержание

Прогулка Иван Ивановича.....	3
Удача	11
Петя и Гномы	22
В стране Востока	42
Механик и дамочка.....	54
Девушка и писатель	59
Случай из жизни	70
Ноктюрн.....	80
Бекки Тэтчер	85
Семинар.....	94
Полет	108
Диктант.....	123
Любовь к свежему воздуху	132
Партизаны	157
Сестры.....	185